Отъ автора

КЛАССИФИКАЦІЯ

СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ТИПИЧНЫМИ ФОРМАМИ СОЦІАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Историческаго Общества 1 декабря 1902 г.).

Н. В. ТЕПЛОВА.

Цѣна 30 к.

МОСКВА.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., д. Товарищества, № 9.
1903.

16598

КЛАССИФИКАЦІЯ

СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ТИПИЧНЫМИ ФОРМАМИ СОЦІАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ.

(Докладъ, читанный въ засѣдании Историческаго Общества 1 декабря 1902 г.).

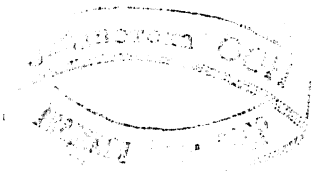
Н. В. ТЕПЛОВА.

МОСКВА.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., д. Товарищества, № 9.
1903.

Пров. 1958

BD
241

Дозволено цензурою. Москва, марта 1-го дня 1903 года.

615
39

I *).

Сегодняшній докладъ мой составляетъ непосредственное продолженіе сообщенія, которое я имѣлъ честь дѣлать въ этой же залѣ полгода тому назадъ и которое затѣмъ было издано въ видѣ отдѣльной брошюры о томъ, „Что такое культура“. И та точка зрѣнія на соціологію и соціальныя явленія, которую я намѣренъ изложить сегодня, непосредственно опирается на основныя положенія, высказанныя мною въ прежнемъ моемъ сообщеніи. Мнѣ необходимо поэтому напомнить вкратцѣ важнѣйшія изъ нихъ.

Итакъ, начнемъ съ вопроса о томъ, какимъ образомъ мы переходимъ изъ области біологіи въ область культуры. Біологія есть наука объ общихъ законахъ какъ видового, такъ и индивидуальнаго существованія и развитія всѣхъ живыхъ организмовъ. Главнѣйшими изъ такихъ законовъ являются, съ одной стороны, законъ наслѣдственности, съ другой—законъ борьбы за жизнь. Изъ взаимодѣйствія ихъ при наличности безусловно неизбѣжныхъ отклоненій отъ средней величины вытекаетъ фактъ непрерывнаго приспособленія живыхъ организмовъ къ окружающей средѣ. И, именно, подъ такимъ угломъ зрѣнія біологъ преимущественно и разсматриваетъ всѣ жизненныя явленія.

Но среди безконечно разнообразныхъ приспособленій къ борьбѣ за жизнь одна категорія ихъ, наблюдаемая среди животнаго царства, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто—это явленія, основанныя на функціонированіи нервной системы. Послѣдняя представляетъ изъ себя аппаратъ, позволяющій животному реагировать на вліянія окружающей среды не пассивно, а активно. Раздраженіе, получающееся въ результатѣ какихъ-либо измѣненій въ окружающей средѣ

---

*) Читано въ Историческомъ Обществѣ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1 декабря 1902 г. Повторено въ засѣдании секціи Общественныхъ Наукъ студенческаго Историко-филологическаго Общества при Моск. Унив. 7 марта 1903 г. Это сообщеніе вмѣстѣ съ докладомъ о культурѣ составляетъ лишь программу задуманнаго авторомъ труда по соціологіи.

или даже въ самомъ организмѣ, доходитъ до того или иного нервнаго центра, здѣсь перерабатывается недоступнымъ въ настоящее время для нашего пониманія образомъ и при благопріятныхъ условіяхъ ведетъ къ обратному воздѣйствію организма на среду или, по крайней мѣрѣ, вообще къ измѣненію тѣхъ условій, въ которыхъ находится данный организмъ въ данный моментъ,—это мы и называемъ активною реакціей.

У высшихъ животныхъ и на высшей стадіи развитія—у человѣка, мы наблюдаемъ и высшее развитіе подобнаго аппарата. Здѣсь явленія активной реакціи на различныя воздѣйствія принимаютъ неизмѣримо болѣе совершенныя и несравненно болѣе сложныя и разнообразныя формы. У человѣка получаетъ совершенно исключительное развитіе органъ психической жизни. Вмѣсто полумеханическаго, малосложнаго превращенія воспринимаемаго раздраженія въ движеніе, мы наблюдаемъ здѣсь картину превращенія воспринимаемыхъ раздраженій въ необычайно сложный міръ ощущеній, представленій, понятій, идей, чувствъ, желаній и хотѣній. Въ чемъ заключается подлинная сущность этого такъ называемаго психическаго міра, какимъ образомъ можетъ совершаться скачокъ отъ механики ко психикѣ—для насъ это въ настоящее время неразрѣшимая загадка, и принадлежитъ она—замѣчу мимоходомъ—къ числу проблемъ не позитивныхъ, а трансцендентальныхъ. Но это не измѣняетъ того основного факта, что весь этотъ загадочный и сложный аппаратъ развился на почвѣ біологической эволюціи и что первичное и конечное назначеніе его заключается въ поддержаніи жизни.

Подвигаясь далѣе, мы наблюдаемъ еще болѣе сложное явленіе. Мы видимъ, что въ человѣческомъ обществѣ благодаря совершенству этого нервно-психическаго аппарата возможна не только выработка сложныхъ представленій и стремленій, являющихся могущественнымъ орудіемъ борьбы за жизнь, но становится возможенъ и переносъ какъ ихъ, такъ и другихъ приспособленій къ борьбѣ за жизнь отъ одного индивида къ другому. Для обозначенія этого явленія переноса приспособленій къ борьбѣ, играющаго такую доминирующую роль въ жизни человѣческихъ обществъ, мы остановились на терминѣ трансляція.

Мы и опредѣлили культуру, какъ совокупность такихъ приспособленій, которыя передаются не наслѣдственнымъ, а транслятивнымъ путемъ, иначе говоря, это транслятивно-групповое приспособленіе въ отличіе отъ того наслѣдственно-индивидуалистическаго, какое мы наблюдаемъ въ мірѣ біологіи. Выясненіе и обоснованіе этого взгляда и составляло главную задачу перваго моего сообщенія.

Переходя къ частностямъ, мы видѣли, что культуру можно раздѣлить на четыре отдѣла: культура матеріальная, соціальная, идей-

ная или духовная и коммуникативная. Мы указали на то, что соціальная культура, составляющая предметъ соціологіи, есть особая спеціальная форма культурнаго развитія. Поэтому мы настаивали на томъ, что прежде чѣмъ выяснять эту спеціальную, болѣе сложную форму, намъ необходимо установить общіе законы всякаго культурнаго развитія, другими словами, между біологіей и психологіей, съ одной стороны, и соціологіей—съ другой, необходимо вставить посредствующее звено—общую теорію культурнаго развитія, предметъ которой и должно составлять, главнымъ образомъ, выясненіе законовъ трансляціи приспособленій. Но при этомъ мы указывали и на то, что если и всю соціологію мы будемъ сводить къ законамъ трансляціи, а тѣмъ болѣе къ слишкомъ метафизичному, далеко не всегда соотвѣтствующему фактамъ и потому не точному понятію подражанія, о которомъ говоритъ Тардъ, то насъ постигнетъ такая же неудача, какъ и въ томъ случаѣ, если мы отъ біологіи или психологіи прямо перескочимъ къ соціологіи. Задачей сегодняшняго своего сообщенія я и ставлю себѣ выяснить, что̀ собственно составляетъ предметъ соціологіи, каковы тѣ частныя дисциплины, на которыя она распадается, каково взаимоотношеніе между ними, и въ то же время установить то единство соціальныхъ силъ, которое скрывается подъ разнообразными формами этическихъ, политическихъ, правовыхъ и экономическихъ явленій. Къ этому мы и перейдемъ теперь.

Мы видѣли, что однимъ изъ могущественнѣйшихъ культурныхъ, т.-е. передаваемыхъ трансляти̇внымъ путемъ, приспособленій къ борьбѣ за жизнь является соединеніе для совмѣстной борьбы. Сущность подобнаго соединенія заключается въ томъ, что одинъ индивидъ тѣмъ или инымъ путемъ оказывается не безразличнымъ въ положительномъ смыслѣ для другого въ дѣлѣ борьбы за жизнь, другими словами, такъ или иначе способствуетъ успѣху послѣдняго въ его жизненной борьбѣ, и самъ въ свою очередь выигрываетъ нѣчто благодаря тому, что этотъ второй индивидъ, въ силу аналогичныхъ условій, оказывается не безразличнымъ для перваго. Поэтому въ основѣ всей соціологіи должно лежать понятіе о чемъ-то такомъ, совершаемомъ однимъ индивидомъ, что оказывается не безразличнымъ въ положительномъ смыслѣ для другого. Намъ и необходимо прежде всего подыскать соотвѣтствующій терминъ для обозначенія этого кардинальнаго соціологическаго понятія. Терминъ такой, мнѣ кажется, существуетъ,—это понятіе услуги, хотя ему обыкновенно и не придается тотъ широкій и въ то же время строго опредѣленный смыслъ, въ какомъ мы его будемъ употреблять. Я съ удовольствіемъ остановился бы на какомъ-нибудь другомъ терминѣ, съ которымъ не было бы такъ тѣсно связано воспоминаніе о Бастіа и К°, но другого такого подходящаго термина я не нахожу и полагаю, что кто привыкъ научно мыслить, тотъ ни-

когда не мѣшаетъ высказываемыхъ мною мыслей съ ученіемъ Бастіа и его единомышленниковъ Замѣчу также, что мы довольно часто сможемъ замѣнять понятіе услуги понятіемъ труда, хотя это и не одно и то же. Разъ услуга заключается въ томъ, что я расходую свою мышечную энергію, и въ результатѣ получается нѣчто такое, чѣмъ пользуется другой индивидъ, то, очевидно, что въ такихъ случаяхъ эти два понятія покрываютъ другъ друга, но изъ этого было бы совершенно ошибочно заключать, что и вообще болѣе широкое понятіе услуги въ соціологическомъ смыслѣ слова совпадаетъ съ болѣе узкимъ понятіемъ труда.

Итакъ, мы будемъ понимать подъ терминомъ услуга все то способствующее успѣхамъ въ борьбѣ за жизнь, другими словами, все то пріятное, полезное или необходимое, что дѣлается однимъ индивидомъ для другого, причемъ обмѣнъ услугъ между индивидами въ громадномъ большинствѣ случаевъ принимаетъ характеръ обоюднаго обмѣна.

Изъ даннаго нами опредѣленія понятія услуги съ логическою необходимостью вытекаетъ тотъ выводъ, что гдѣ есть обмѣнъ услугъ, тамъ успѣхи одного индивида въ жизненной борьбѣ оказываются зависящими отъ дѣятельности другого или другихъ индивидовъ.

Исходя изъ такого опредѣленія понятія услуги и изъ указаннаго вывода отсюда, мы можемъ опредѣлить понятіе общества, какъ группу индивидовъ, связанныхъ между собою обмѣномъ услугъ, а соціологію, *какъ науку о законахъ обмѣна услугъ и о тѣхъ формахъ, какія принимаетъ вытекающая изъ этого зависимость между членами группы*, а тѣ отношенія связи и зависимости, которыя устанавливаются между членами общества въ результатѣ обмѣна услугъ, мы будемъ называть соціальными отношеніями.

Главный предметъ соціологіи есть, конечно, обмѣнъ положительныхъ услугъ, но нетрудно понять, что разъ на почвѣ такого обмѣна устанавливается тѣсная зависимость между членами группы, то на эту зависимость должны оказывать большое вліяніе не только положительныя величины, но и отрицательныя, другими словами, косвеннымъ образомъ въ предметъ соціологіи войдетъ разсмотрѣніе не только положительныхъ услугъ, но и отрицательныхъ, не только того, что дѣлается въ пользу другого, но и того, что дѣлается въ ущербъ ему, а стало быть, и вообще, нормировки отношеній между членами группы, связанными между собою обмѣномъ услугъ Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что предметъ соціологіи составляетъ изученіе какъ транслятивныхъ формъ обмѣна услугъ, такъ и вообще транслятивныхъ нормъ отношеній между членами группы.

Выяснивъ то общее понятіе, которое лежитъ въ основѣ всей соціологіи, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ главныхъ типичныхъ

формъ, какія принимаетъ въ человѣческихъ обществахъ соціальная связь.

Прежде всего очевидно, что основою для всякаго обмѣна услугъ, какъ культурной, т. е. транслятивной, формы отношеній необходимо должно быть сознаніе взаимной зависимости одного индивида отъ другого и готовность удовлетворить какую-либо потребность другого индивида ради того, чтобы онъ удовлетворилъ какую-либо изъ моихъ потребностей. Первое и необходимое условіе для возможности установленія соціальныхъ отношеній есть *товарищеское* отношеніе другъ къ другу. Пока есть стремленіе къ удовлетворенію лишь своихъ собственныхъ потребностей и нѣтъ представленія о солидарности взаимныхъ интересовъ, пока нѣтъ готовности и расположенія сдѣлать что-либо для другого, для того чтобы онъ сдѣлалъ что-либо для меня,— до тѣхъ поръ—это совершенно очевидно—между индивидами возможно лишь индиферентное или прямо враждебное отношеніе, и до тѣхъ поръ не возможны тѣ отношенія, которыя мы условились называть соціальными. Но какъ только мы встрѣчаемъ въ исторіи такое сознаніе взаимной зависимости и солидарности интересовъ между индивидами и готовность сдѣлать что-либо для другого, мы имѣемъ тутъ дѣло уже съ зачатками соціальныхъ отношеній,—и, именно, съ простѣйшею ихъ формою—съ отношеніями этическими.

Ясно, что простѣйшую, наиболѣе элементарную форму соціальныхъ отношеній составляетъ, именно, общее неопредѣленное, неоформленное мирно-благожелательное отношеніе къ другому индивиду и готовность въ силу этого сдѣлать ему что-либо полезное, пріятное или необходимое.

Простѣйшей формы соціальныхъ отношеній, очевидно, надо искать тамъ, гдѣ еще не существуетъ никакой соціальной организаціи, которая могла бы принуждать дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ, гдѣ эти мирно-благожелательныя отношенія вытекаютъ непосредственно изъ тѣхъ инстинктовъ, которые развились на почвѣ біологической эволюціи вида. Установленное нами общее разграниченіе между біологическими и культурными явленіями позволяетъ намъ и здѣсь указать тотъ порогъ, который отдѣляетъ культуру отъ біологіи. Характернымъ признакомъ одной будетъ въ данномъ случаѣ инстинктъ, передающійся наслѣдственнымъ путемъ, характернымъ признакомъ другой—усвоеніе извѣстной нормы отношеній отъ подобныхъ себѣ индивидовъ и передача ихъ транслятивнымъ путемъ.

Инстинктивное влеченіе одного пола къ другому, материнскіе и стадные инстинкты—все это мы будемъ называть біологическими признаками. Если же на этой біологической почвѣ развиваются такія формы обмѣна услугъ, которыя передаются уже не наслѣдственнымъ путемъ, не въ видѣ инстинкта, заставляющаго, напримѣръ, мать кормить и

ухаживать за своимъ ребенкомъ, а путемъ трансляціи, путемъ общенія между индивидами, то мы вступаемъ уже въ область соціальной культуры Такъ, напримѣръ, если уваженіе и любовь къ родителямъ, привѣтливость и радушіе, гостепріимство и т д. укрѣпляются въ индивидѣ путемъ воспитанія, путемъ совмѣстной жизни, то мы это назовемъ уже явленіями соціальной культуры.

Характерными признаками указанной простѣйшей формы соціальной связи, основанной исключительно на однихъ только мирно-благожелательныхъ отношеніяхъ между индивидами, являются отсутствіе принужденія и видимое безкорыстіе ихъ,—и несомнѣнно, оба признака находятся въ тѣсной связи одинъ съ другимъ. Видимое безкорыстіе заключается въ томъ, что каждая или, по крайней мѣрѣ, одна изъ сторонъ, должна быть готова сдѣлать что-либо для другой, не имѣя рѣшительно никакихъ гарантій того, что за это послѣдуетъ извѣстное воздаяніе, ибо ни одна изъ сторонъ не располагаетъ никакими средствами заставить другую сдѣлать что-либо въ свою пользу. Всякое же принужденіе, т. е. насиліе, вполнѣ естественно, всегда будетъ вести не къ упроченію мирно-благожелательныхъ отношеній, а, напротивъ, къ ихъ ослабленію и установленію отношеній прямо враждебныхъ.

Фактически возможно установленіе подобныхъ мирно-благожелательныхъ отношеній, какъ культурной формы, только потому, что на почвѣ біологической эволюціи, какъ указано было выше, развились могущественные инстинкты, устанавливающіе тѣсную связь между нѣкоторыми изъ индивидовъ, главнымъ образомъ, семейные инстинкты,— т. е., съ одной стороны, влеченіе другъ къ другу между представителями двухъ половъ, съ другой, — тѣсная связь между отцомъ или матерью и дѣтьми. Повидимому, всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что именно на почвѣ семейныхъ отношеній въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и выросли всѣ человѣческія общества, и что именно здѣсь мы должны искать зачатковъ соціальныхъ отношеній. Нельзя, конечно, отрицать ни наличности стадныхъ инстинктовъ, ни извѣстнаго значенія ихъ для зарожденія соціальныхъ отношеній, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ данномъ случаѣ они далеко уступаютъ по своей интенсивности такимъ могущественнымъ инстинктамъ, какъ семейные.

Разъ мы допустили наличность такихъ культурныхъ отношеній хотя бы въ самой зачаточной формѣ и признаемъ при этомъ, что они являются чрезвычайно важнымъ транслятивнымъ приспособленіемъ къ борьбѣ за жизнь—а этого трудно не признать,—то дальнѣйшее развитіе ихъ есть лишь дѣло времени и благопріятныхъ условій. Ибо и здѣсь неизбѣжно будутъ наблюдаться колебанія въ ту и другую сторону отъ средней величины, и неизбѣжно будутъ оказываться болѣе сильными тѣ группы, гдѣ эта величина особенно значительна.

Если отъ этихъ зачаточныхъ формъ мы перейдемъ къ болѣе развитымъ, болѣе совершеннымъ и законченнымъ, то мы должны представить себѣ тѣ же характерные признаки, но только гораздо ярче выраженные—прежде всего, солидарность интересовъ между членами извѣстной группы, въ силу этого готовность оказать всякому другому члену услугу и увѣренность въ томъ, что и всякій другой членъ въ случаѣ нужды окажетъ тебѣ аналогичную услугу Если члены какой-либо группы связаны между собою подобными отношеніями, то мы назовемъ эту группу этическимъ союзомъ. Основою для обмѣна услугъ между индивидами служитъ здѣсь не непосредственная и не обставленная какими-либо гарантіями мѣна ихъ, а сознаніе общности интересовъ, преданность членовъ другъ другу и вѣра въ эту взаимную преданность.

Связь, соединяющая здѣсь членовъ группы основана не на равенствѣ обмѣниваемыхъ услугъ, а на равенствѣ взаимныхъ другъ къ другу отношеній, изъ которыхъ вытекаетъ готовность оказывать услуги. Понятно поэтому, что центръ тяжести здѣсь лежитъ не въ отдѣльныхъ поступкахъ, а въ мотивахъ, руководящихъ ими, и характерною чертою подобныхъ отношеній является отсутствіе непосредственной расплаты за услугу, т. е. видимая безкорыстность послѣднихъ, иначе выражаясь, *обмѣнъ услугъ здѣсь суммарный, а не розничный*

Но я буду при этомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаивать на томъ, что этическія связи основаны на началахъ взаимности, на конечномъ обмѣнѣ услугъ, а не на чистомъ самоотреченіи отъ своей личности въ пользу другой личности. Всякая соціальная связь есть связь культурная, стало быть, форма, передающаяся транслятивнымъ путемъ. Какъ единичный поступокъ, возможно полное самоотреченіе безъ другого возмездія кромѣ того, какое даетъ религіозная вѣра, но какъ извѣстная транслятивная форма общественной организаціи, связующей членовъ группы въ одно цѣлое, этическая связь возможна лишь тамъ, гдѣ въ основѣ лежитъ начало обмѣна услугъ. Здѣсь все время надо строго различать, съ одной стороны, транслятивную форму отношеній, т. е. нормы отношеній, усвоенныхъ индивидомъ отъ членовъ группы, среди которой онъ выросъ, и, съ другой стороны,—тѣ отклоненія отъ средней величины, которыя мы неизбѣжно будемъ находить среди членовъ всякой группы, а также въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ тѣ проявленія дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, которыя представляютъ изъ себя неизбѣжный выводъ изъ усвоенныхъ данными индивидами транслятивныхъ формъ отношеній къ другимъ индивидамъ. Если имѣть въ виду, именно, культурныя, т. е транслятивныя формы отношеній, а вовсе не неизбѣжныя колебанія ихъ въ ту или иную сторону, то мы можемъ утверждать, что гдѣ доброта и самоотверженіе, т. е. высшія проявленія готовности оказывать другимъ услуги, на-

ходятъ себѣ награду въ той нравственной оцѣнкѣ, которую даютъ этимъ качествамъ въ тѣсномъ кругу близкихъ людей, въ уваженіи и преданности этихъ близкихъ людей и вытекающей отсюда готовности ихъ оказать во всякой нуждѣ услугу такому самоотверженному члену, другими словами, тамъ, гдѣ добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказанъ, но не въ томъ ироническомъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно употребляютъ это выраженіе, а въ серьезномъ смыслѣ,—тамъ этическія узы могутъ быть сильны; гдѣ же этого нѣтъ, тамъ этическія связи неизбѣжно рушатся.—это роковой процессъ.

Изученіе этическихъ отношеній, какъ частной формы соціальныхъ отношеній, и составляетъ предметъ этики.

Предположимъ теперь одинъ частный, болѣе спеціальный, случай солидарности интересовъ при наличности такихъ этическихъ отношеній. Предположимъ необходимость совокупныхъ усилій для достиженія какой-либо цѣли, затрагивающей интересы всей такой группы, положимъ, набѣгъ на сосѣдей съ цѣлью грабежа или охота на какого-нибудь крупнаго звѣря. Для того, чтобы возможно было какое-либо изъ подобныхъ предпріятій, и тутъ необходимо предварительное существованіе мирно-благожелательныхъ этическихъ отношеній между участниками. Здѣсь еще въ большей мѣрѣ необходимо сознаніе солидарности интересовъ и довѣріе другъ къ другу, готовность сдѣлать нѣчто для другихъ, для того, чтобы получить за это соотвѣтствующее возмездіе. Но не трудно понять, что между отношеніями индивидовъ въ подобномъ случаѣ и отношеніями при простой этической связи есть весьма существенное различіе. Заключается оно въ томъ, что здѣсь противъ каждаго индивида стоитъ не такой же, какъ онъ, индивидъ, а всѣ остальные члены группы. Другими словами, здѣсь по самому существу дѣла нѣтъ равенства отношеній и неизбѣжно громадное неравенство силъ: съ одной стороны—одинъ человѣкъ, съ другой—вся группа Вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ выводомъ является то, что отношенія здѣсь всегда носятъ на себѣ печать отношеній принудительныхъ. Принужденіе возможно, конечно, и тамъ, гдѣ одно отдѣльное лицо сталкивается съ другимъ лицомъ, но тамъ это будутъ единичные случаи, исключеніе, но не транслятивная норма отношеній. Напротивъ того, разъ мы предполагаемъ, что противъ одного индивида стоитъ вся группа, то здѣсь принудительный характеръ отношеній будетъ, именно, типичнымъ случаемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній думать, что группа не воспользуется своею силой, разъ какое-либо отдѣльное лицо затрагиваетъ интересы всѣхъ. Затронуты могутъ быть эти интересы различными путями: въ одномъ случаѣ отдѣльное лицо можетъ пожелать уклониться отъ опасности при отраженіи, напримѣръ, врага или отъ трудовъ, связанныхъ съ коллективною охотой или рыбною ловлей,

либо можетъ пожелать присвоить себѣ лишнюю долю добычи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны ожидать, что группа окажетъ давленіе на такого члена, нарушающаго общіе интересы, и въ случаѣ нужды окажетъ насиліе.

Разъ на почвѣ этическихъ мирныхъ отношеній развивается такая болѣе или менѣе постоянная связь между индивидами для осуществленія какихъ-либо общихъ цѣлей, въ равной мѣрѣ затрагивающихъ интересы всѣхъ членовъ,—связь, неизбѣжно налагающая на отношенія характеръ принужденія, то мы уже выходимъ изъ области этическихъ отношеній и вступаемъ въ область отношеній политическихъ. Ибо здѣсь мы имѣемъ группу индивидовъ, наличность общихъ интересовъ, т.-е. понятіе общаго блага, и постоянную возможность принужденія, т.-е. власть,—другими словами, мы имѣемъ всѣ элементы, необходимые для существованія политическаго союза. Но эволюція политическихъ отношеній на этомъ, конечно, не останавливается. Дѣло въ томъ, что разъ необходимость въ соединеніи для осуществленія извѣстныхъ предпріятій общими силами принимаетъ характеръ чего-то болѣе или менѣе постояннаго, то и соединеніе всѣхъ членовъ группы для защиты общихъ интересовъ неизбѣжно должно принять характеръ чего-то такого же постояннаго. Параллельно этому и соединеніе индивидовъ принимаетъ характеръ правовыхъ отношеній.

Сущность таковыхъ, поскольку рѣчь идетъ о политическомъ правѣ, мнѣ кажется, можно опредѣлить очень кратко и въ то же время довольно точно—это принудительная, опирающаяся на насиліе, защита тѣхъ общихъ интересовъ, солидарность которыхъ соединяетъ воедино членовъ группы. Не даромъ эмблемой правовой справедливости служитъ мечъ и вѣсы, т.-е. сила и равенство. Гдѣ есть только принужденіе, тамъ есть насиліе, фактъ, но нѣтъ права; гдѣ есть одно равенство, тамъ есть мирный обмѣнъ услугъ между двумя равными единицами, словомъ, тамъ есть этика, но тамъ нѣтъ права. Но гдѣ насиліе имѣетъ цѣлью осуществленіе равенства въ смыслѣ опредѣленной установившейся на почвѣ этическихъ отношеній транслятивной формы обмѣна услугъ, иначе говоря, тамъ, гдѣ этическія формы защищаются силой, тамъ мы имѣемъ право. Именно, такой характеръ по существу своему носитъ всякій политическій союзъ. Цѣль его есть соединеніе общихъ силъ членовъ группы для защиты общихъ интересовъ, другими словами, всѣ члены оказываютъ здѣсь другъ другу опредѣленныя услуги и взамѣнъ получаютъ опредѣленное вознагражденіе. Но это равенство основано на силѣ, ибо въ случаѣ всякаго нарушенія какимъ-либо однимъ членомъ интересовъ, равно затрагивающихъ всѣхъ членовъ, естественно, противъ этого одного возстанутъ всѣ и окажутъ насиліе. Если же эти всѣ почему-либо оказываются

безсильны или не умѣютъ защитить общихъ интересовъ, то права здѣсь не будетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь нѣтъ и политическаго союза. а есть анархія.

Но при этомъ ни на минуту не слѣдуетъ забывать того капитальнаго факта, что эта защита общихъ интересовъ можетъ возникнуть лишь на почвѣ уже существующихъ этическихъ отношеній, и поэтому право неизбѣжно носитъ характеръ не просто защиты какихъ бы то ни было интересовъ, а защиты такихъ опредѣленныхъ нормъ отношенія къ другимъ членамъ общества, которыя вытекаютъ изъ установившихся этическихъ нормъ отношеній. Слѣдовательно, право есть совокупность такихъ нормъ соціальныхъ отношеній, которыя вытекаютъ изъ существующихъ этическихъ отношеній, но въ отличіе отъ послѣднихъ получаютъ принудительную защиту. Непринятіе во вниманіе этой этической основы права и есть ахиллесова пята всѣхъ такъ называемыхъ теорій принужденія.

Но наше представленіе о политическомъ союзѣ и политическомъ правѣ будетъ не полно, если мы не остановимся нѣсколько подробнѣе на вопросѣ объ органахъ для защиты общихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что осуществленіе общими силами какого-либо общаго предпріятія неизбѣжно нарушаетъ равенство между членами. Неравенство вытекаетъ изъ трехъ причинъ: во-первыхъ, изъ неравенства тѣхъ препятствій, которыя приходится преодолѣвать при осуществленіи общихъ предпріятій, во-вторыхъ, изъ неравенства тѣхъ силъ, которыми располагаютъ отдѣльные члены группы, и, наконецъ, изъ необходимости сосредоточенія власти. Возьмемъ ли мы охоту на крупнаго звѣря или борьбу съ другою группой, сумму общихъ усилій, необходимыхъ для достиженія цѣли, очень рѣдко можно разложить на сумму равныхъ слагаемыхъ, другими словами, на рядъ одинаковыхъ усилій, которыя можно было бы распредѣлить между всѣми участниками предпріятія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ однимъ приходится подкарауливать звѣря, другимъ пугать его, третьимъ нападать, или однимъ итти на врага впереди, другимъ позади и т. п. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ мы не найдемъ полнаго равенства въ тѣхъ роляхъ, которыя приходится распредѣлять между участниками предпріятія. Наряду съ этимъ мы нигдѣ не найдемъ и полнаго равенства между членами группы. Мы неизбѣжно будемъ наталкиваться на неравенство въ физической силѣ, ловкости, быстротѣ ногъ, смѣтливости и цѣломъ рядѣ другихъ качествъ, играющихъ такую важную роль на раннихъ ступеняхъ развитія. Наконецъ, также неизбѣжно неравенство возрастовъ, имѣющее не менѣе важное значеніе.

Но этого мало. Есть множество предпріятій, требующихъ сосредоточенія власти. Выгодность послѣдняго можетъ вытекать изъ различныхъ причинъ. Въ одномъ случаѣ можетъ быть необходимо на-

блюденіе за планомѣрностью дѣйствій; такъ, напримѣръ, при нападеніи на врага одной части необходимо дѣйствовать въ зависимости отъ того, какъ дѣйствуютъ другія,—для осуществленія же этой планомѣрности необходимо опытное лицо, которое слѣдило бы за дѣйствіями и давало соотвѣтствующія распоряженія. Въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ необходимо бываетъ принужденіе надъ отдѣльными лицами для защиты общихъ интересовъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ вся группа не можетъ его осуществить. Разъ, напримѣръ, затѣвается нападеніе на врага, то каждый изъ участниковъ заинтересованъ въ томъ, чтобы всѣ остальные не отступали передъ опасностью, если она будетъ угрожать, другими словами, и здѣсь противъ каждаго отдѣльнаго лица, уклоняющагося отъ содѣйствія общимъ интересамъ, будутъ стоять всѣ остальныя лица, заинтересованныя въ нихъ. Но осуществить такую защиту общихъ интересовъ всѣ въ самый моментъ стычки съ врагомъ не могутъ, ибо большинство должно сосредоточить свое вниманіе и силы на самой борьбѣ. Является необходимость выдѣлить лицо, которое слѣдило бы за дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ и въ случаѣ нужды силой защищало бы общіе интересы.

Всѣ эти разнородныя причины почти неизбѣжно ведутъ къ одному и тому же результату, а именно: стремленіе къ защитѣ общихъ интересовъ заставляетъ всѣхъ членовъ поручать защиту ихъ одному лицу или немногимъ. Другими словами, та сила, которою обладаютъ всѣ члены группы для защиты общихъ интересовъ, передается, насколько это возможно, одному лицу или немногимъ лицамъ. Благодаря этому, одно лицо оказывается обладающимъ силой, позволяющею ему оказывать насиліе надъ другими отдѣльными индивидами, но въ то же время сила эта основана на желаніи всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства. Возникаетъ правительство, т.-е. органъ для осуществленія верховной власти, какъ силы, присущей группѣ, но, какъ мы уже видѣли, часто переносимой на одного или нѣсколькихъ лицъ и направленной на защиту общихъ интересовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно создается неравенство силъ между лицами, въ большей или меньшей степени облекаемыми этою властью, и остальными членами группы.

Изученіе политическихъ отношеній, какъ частной формы соціальныхъ отношеній, и составляетъ предметъ политики

Пойдемъ теперь еще далѣе. Предположимъ наличность прочно установившихся политическихъ отношеній, другими словами, наличность союза, связаннаго идеей общаго блага, и наличность власти, призванной защищать интересы цѣлаго Вполнѣ естественно въ такомъ случаѣ, что власть эта постепенно начинаетъ принимать на себя защиту интересовъ, затрагивающихъ не только всѣхъ безъ исключенія членовъ, но и многихъ или нѣсколькихъ. Ибо то, что угрожаетъ инте-

ресу одного или нѣсколькихъ членовъ группы, факультативно угрожаетъ интересамъ каждаго или очень многихъ. Параллельно этому существуетъ и другая тенденція. Сами отдѣльные члены, руководствующіеся въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ неопредѣленнымъ чувствомъ обоюдной солидарности интересовъ и строящіе свои отношенія на принципѣ суммарнаго обмѣна услугъ, естественно будутъ всегда стремиться къ тому, чтобы обмѣнъ услуги на услугу былъ обезпеченъ, а не подвергался всевозможнымъ случайностямъ, и чтобы извѣстныя нормы отношеній были принудительны, а не зависѣли отъ прихоти другого лица. Эти двѣ тенденціи, переплетаясь и сливаясь вмѣстѣ, ведутъ къ тому конечному результату, что власть принимаетъ на себя защиту интересовъ не только цѣлаго, но и отдѣльныхъ лицъ и придаетъ нѣкоторымъ наиболѣе прочно установившимся нормамъ отношеній, возникшихъ на почвѣ этическихъ и политическихъ связей между членами группы, принудительную силу. Это и есть то, что называется частнымъ правомъ въ противоположность публичному. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ, конечно, защита личности и плодовъ ея труда.

Перейдемъ, наконецъ, къ послѣдней стадіи усложненія соціальныхъ отношеній. Когда формы обмѣна услугъ оказываются подчиненными юридическимъ, т.-е. правовымъ, нормамъ, и обѣщаніе о возвратѣ услуги обезпечивается правомъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ обмѣнъ услугъ между членами общества распространяется все на болѣе и болѣе широкіе круги, тогда онъ изъ суммарнаго, какимъ онъ былъ при этическихъ отношеніяхъ, становится розничнымъ. Частноправовыя отношенія принимаютъ въ такомъ случаѣ форму отношеній экономическихъ.

Намъ и необходимо особенно подробно остановиться на выясненіи вопроса о томъ, что̀ понимать подъ экономическими отношеніями.

Приходится начать съ указанія на то, что терминъ экономическій есть терминъ двусмысленный. Подъ нимъ скрываются два совершенно разнородныхъ понятія. И я не сомнѣваюсь въ томъ, что только на почвѣ такого смѣшенія понятій и могла расцвѣсти такимъ пышнымъ, но быстро увядающимъ цвѣтомъ теорія экономическаго матеріализма.

Дѣйствительно, не трудно замѣтить, что иногда словомъ экономическій хотятъ обозначить опредѣленную форму соціальныхъ отношеній, и въ такомъ случаѣ оно равносильно понятію соціально-экономическій, и его всегда въ такихъ случаяхъ можно замѣнить болѣе общимъ понятіемъ соціальный; иногда же рѣчь идетъ объ удовлетвореніи опредѣленныхъ потребностей, и тогда оно равносильно понятію матеріальный.

Насущный, матеріальный или, еще лучше, трофологическій, другими словами, касающійся всего необходимаго для питанія тѣла въ

широкомъ смыслѣ этого слова, т. е касающійся прежде всего пищи и питья и затѣмъ одежды и крова, какъ защиты отъ холода,—таковъ одинъ смыслъ этого слова Въ такомъ смыслѣ мы говоримъ—экономическія потребности, экономическіе интересы, т. е. трофологическія потребности, трофологическіе интересы. Такъ мы можемъ сказать, что у каждаго человѣка есть трофологическія потребности, а стало быть, и интересы, и противъ этого никто и ничего не сможетъ возразить, такъ какъ всякому человѣку, стоящему какъ въ обществѣ, такъ и внѣ его, напримѣръ, тому же Робинзону, нужна пища и питье, кровъ и одежда. Но говорить, что хотя бы у того же Робинзона есть соціально-экономическіе интересы—самоочевидная нелѣпость. А между тѣмъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ слово экономическій употребляется, именно, въ смыслѣ соціально-экономическаго, т. е. вытекающаго изъ опредѣленныхъ соціальныхъ отношеній. И въ этихъ случаяхъ такою же нелѣпостью будетъ замѣнять понятіе экономическій понятіемъ трофологическій, какъ въ другихъ замѣнять его словомъ соціально-экономическій. Такъ, нелѣпо будетъ говорить о насущномъ, матеріальномъ или трофологическомъ строѣ общества или о насущныхъ, матеріальныхъ или трофологическихъ отношеніяхъ между людьми и т. д., и вполнѣ логично будетъ выраженіе соціально-экономическій строй общества, соціально-экономическія отношенія и т. д.

Такая возможность подстановки двухъ совершенно разнородныхъ понятій вмѣсто одного и того же слова съ математической ясностью показываетъ намъ, что данное слово имѣетъ двоякій смыслъ. Сплошь да рядомъ слово экономическій и въ сочетаніи съ другими выраженіями ведетъ къ тому же смѣшенію понятій. Какъ мы, напримѣръ, назовемъ необходимость имѣть пищу и одежду?—экономическій это факторъ или нѣтъ? Намъ скажутъ—да, но, вѣдь, совершенно очевидно, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о чисто біологическомъ факторѣ, а вовсе не о соціально-экономическомъ, ибо такой факторъ эволюціи—потребность въ пищѣ—существуетъ не только въ человѣческомъ обществѣ, но и въ животномъ мірѣ,—и даже растительномъ. Если мы спросимъ теперь, можно ли отнести къ числу экономическихъ факторовъ повышеніе ренты, то намъ также скажутъ, что это есть экономическій факторъ. Но, вѣдь, и здѣсь не менѣе очевидно, что это уже факторъ вовсе не біологическій, а факторъ соціальный, точнѣе соціально-экономическій. Нетрудно было бы показать, что то же смѣшеніе понятій заключается и въ терминѣ экономическій матеріализмъ.

Если мы теперь спросимъ себя, съ какими же экономическими явленіями имѣетъ дѣло политическая экономія, въ какомъ смыслѣ изученіе экономическихъ явленій составляетъ предметъ политической экономіи, то никакого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что политическая экономія изучаетъ вовсе не трофологическіе факты, составляющіе

предметъ отчасти физіологіи, какъ отдѣла біологіи, отчасти биологической географіи, отчасти исторіи или теоріи матеріальной культуры, а она изучаетъ экономическія явленія, какъ опредѣленную форму соціальныхъ отношеній, наблюдаемыхъ въ человѣческихъ обществахъ.

Итакъ, прежде всего совершенно очевидно, что экономическими отношеніями мы должны называть отношенія лица къ лицу, а не лица къ вещи, или вещи къ вещи Такъ же ясно, что подъ категорію экономическихъ отношеній мы подводимъ не единичное отношеніе одного лица къ другому лицу, не единичный случай, а извѣстную норму отношеній между лицами; пользуясь нашей терминологіей, мы можемъ сказать, что это культурная, т. е. транслятивная форма отношеній, а вовсе не единичный случай. Если проводникъ въ горахъ зарабатываетъ деньги тѣмъ, что указываетъ дорогу путникамъ, то это экономическія отношенія. Но если богатый человѣкъ заблудился въ лѣсу въ метель, и его встрѣчаетъ прохожій и предлагаетъ довести его до жилья за 100 руб., то это не экономическія отношенія, а единичный случай, не подлежащій изслѣдованію никакой науки. Не менѣе очевидно далѣе, что экономическими мы можемъ называть отношенія лишь постольку, поскольку они основаны на свободѣ дѣйствія обѣихъ сторонъ. Поэтому, напримѣръ, отбываніе воинской повинности мы никогда не назовемъ экономическимъ явленіемъ. Но наряду съ этимъ предоставленная обѣимъ сторонамъ свобода должна быть ограничена, а именно, отношенія должны имѣть характеръ принудительно-мирныхъ. Защита не только личности, но и собственности каждой изъ сторонъ непремѣнно должна быть обезпечена, ибо если ни то, ни другое не защищено, то всякая экономическая зависимость однихъ лицъ будетъ постоянно вести къ насилію, а разъ дѣло доходитъ до насилія одной стороны надъ личностью или правами другой, то отношенія перестаютъ быть экономическими,—едва ли это требуетъ особыхъ доказательствъ.

Поэтому, разъ подъ экономическими отношеніями понимать не всякое случайное соглашеніе, а лишь нормы отношеній, могущія болѣе или менѣе самостоятельно развиваться, то, мнѣ кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ категорію экономическихъ явленій могутъ войти лишь отношенія, защищенныя отъ насилія юридическими нормами, т. е. отношенія частно-правовыя, въ свою очередь, опирающіяся на защиту со стороны публичной власти.

Мнѣ кажется, что при рѣшеніи подобныхъ контроверзъ не всегда достаточно ясно понимаютъ то, что вопросъ заключается вовсе не въ томъ, какія явленія встрѣчаются въ дѣйствительности, а въ томъ, какія изъ встрѣчающихся въ дѣйствительности явленій выдѣлить намъ въ особую группу, для того чтобы среди нихъ мы могли установить извѣстную закономѣрность и выводить на основаніи этого извѣстныя теоремы. Если мы выдѣлимъ группу такихъ отношеній, которыя осно-

ваны на признаніи опредѣленныхъ правъ и на защитѣ этихъ правъ властью, то мы получимъ науку политической экономіи. Если же мы будемъ называть экономическими явленіями и то, что мать кормитъ своимъ молокомъ новорожденнаго ребенка, и то, что рабъ добываетъ пищу для своего хозяина, который всегда можетъ не только отнять у него все, но и убить его, и то, что экипажъ затертаго полярными льдами парохода обмѣнивается съ эскимосами бусами или еще чѣмъ нибудь,—то передъ нами не наука, а хаосъ явленій, въ которомъ безсиленъ будетъ разобраться самый проницательный умъ.

Для того, чтобы разобраться среди того хаоса, какой представляютъ намъ безконечно разнообразные конкретные примѣры паденія тяжелыхъ и легкихъ, большихъ и малыхъ тѣлъ, мы должны выдѣлить тѣ случаи, гдѣ паденіе совершается въ наиболѣе простыхъ условіяхъ; и если мѣ сумѣемъ установить закономѣрность этихъ болѣе простыхъ, болѣе чистыхъ случаевъ, то мы можемъ надѣяться, что сможемъ распутать и болѣе сложные случаи. Если же мы въ погонѣ за мнимой индукціей захотимъ прямо съ налету обнять всю совокупность дѣйствительныхъ явленій паденія тѣлъ, то мы будемъ цѣлыми столѣтіями стоять на одномъ мѣстѣ. Начавъ со сложнаго или переходнаго явленія, мы не поймемъ ни простого, ни сложнаго; начавъ же съ простого или типичнаго, мы сможемъ понять и простое и сложное Такимъ путемъ идетъ и математика, и механика, и физика, и химія, и всѣ точныя науки. Такимъ же путемъ шли и многіе изъ лучшихъ представителей соціальныхъ наукъ: Аристотель и Монтескье, Смитъ и Марксъ, Іерингъ и Милль, и десятки другихъ.

Вопросъ о взаимоотношеніи между тѣми различными формами, которыя принимаетъ соціальная связь, имѣетъ капитальное соціологическое значеніе, и отъ правильной постановки и рѣшенія его въ значительной степени зависятъ успѣхи соціологіи. Поэтому, въ ущербъ единству и цѣльности плана своего сообщенія, я позволю себѣ еще подробнѣе остановиться на этомъ.

Ничто, мнѣ кажется, такъ не вредитъ успѣху соціологіи, какъ та неправильная постановка, которая дана вопросу о соотношеніи между двумя крайними соціологическими науками—этикой и политической экономіей. И если мы рѣшимъ правильно вопросъ о соотношеніи между ними, то намъ уже сравнительно легко будетъ рѣшить вопросъ о политикѣ и правѣ и ихъ мѣстѣ въ ряду соціальныхъ наукъ.

Многимъ, вѣроятно, покажется нелѣпымъ такое сопоставленіе этическихъ и экономическихъ отношеній, которое служитъ однимъ изъ исходныхъ пунктовъ излагаемаго мною взгляда. Одни, вѣроятно, будутъ съ негодованіемъ обвинять меня въ томъ, что я придаю этическимъ отношеніямъ такое низменное, коммерческое истолкованіе; другіе, вѣроятно, сопричтутъ меня къ одной кликѣ съ Бастіа, котора-

го такъ немилосердно громилъ Марксъ И если, несмотря на все это, я все же рѣшаюсь такъ формулировать свою точку зрѣнія, то лишь потому, что чѣмъ больше я пересматривалъ этотъ вопросъ, тѣмъ настойчивѣе выдвигалось передо мною одно и то же рѣшеніе его, и тѣмъ проще и естественнѣе разрѣшался благодаря этому цѣлый рядъ всевозможныхъ контроверзъ

Если мы спросимъ себя, въ чемъ заключается различіе между этическими и экономическими отношеніями, то отвѣтъ можетъ быть, на мой взглядъ, только одинъ:—*этическія отношенія есть суммарный и не гарантированный правомъ обмѣнъ услугъ, экономическія отношенія есть розничный и обставленный юридическими гарантіями обмѣнъ ихъ.*

Возьмемъ для примѣра дружную крестьянскую семью, еще не затронутую процессомъ индивидуализаціи отношеній Такая семья представляетъ изъ себя группу, всѣ члены которой работаютъ на всѣхъ; одни пашутъ землю, другіе ходятъ за скотиной; бабы ткутъ холстъ, кормятъ дѣтей и исполняютъ всѣ домашнія работы; всякій дѣлаетъ то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ его силамъ. Старики, уже успѣвшіе отработать свою часть, безпечно доживаютъ свой вѣкъ. Если у семьи есть достаточно земли и скота, то въ такой семьѣ намъ не рѣдкость будетъ встрѣтить отношенія, построенныя на тѣхъ началахъ взаимной солидарности, любви, преданности и уваженія другъ къ другу, о которыхъ намъ говорятъ моралисты всѣхъ вѣковъ. Но не очевидно ли для всякаго трезваго наблюдателя, что эта семья представляетъ изъ себя ясно выраженную соціальную единицу, и что связью, соединяющею членовъ, служитъ раздѣленіе труда между членами и обмѣнъ услугъ между ними. Но обмѣнъ этотъ суммарный. Каждый членъ вноситъ свою долю труда въ общее дѣло и пользуется своею долею жизненныхъ благъ, выпадающихъ всей группѣ. Куда исчезаетъ вся любовь и преданность, если одинъ изъ членовъ предпочитаетъ вмѣсто работы лежать цѣлый день на печи или сидѣть въ трактирѣ. Отношеніе всей группы къ такому члену будетъ рѣзко отличаться отъ того, какъ относятся къ члену трудолюбивому и радѣющему объ общихъ интересахъ. Если два или три члена имѣютъ на сторонѣ какіе-нибудь интересы и перестаютъ отдавать весь свой трудъ въ пользу своей семьи, то очень быстро исчезаютъ и любовь, и преданность, и ихъ мѣсто занимаютъ ссоры, свары, попреки и драки,—этическая связь распадается. Совершенно очевидно поэтому, что въ основѣ связи здѣсь лежитъ обмѣнъ услугъ.

Но назовемъ ли мы экономическими отношенія, существующія между 90-лѣтнимъ беззубымъ старикомъ, весь день лежащимъ на печи, но пользующимся всеобщею преданностью и уходомъ, и его здоровымъ 30-лѣтнимъ внукомъ, легко работающимъ лѣтомъ по 18 часовъ въ сутки, или такою же здоровою и сильною снохой и 10-лѣтнимъ мальчишкой, котораго поятъ, кормятъ, одѣваютъ и посылаютъ въ школу

учиться, въ надеждѣ, что со временемъ изъ него выйдетъ дѣльный парень,—мнѣ кажется, назвать эти отношенія экономическими можетъ только человѣкъ, совершенно не привыкшій къ разграниченію самыхъ простыхъ научныхъ понятій.

Мы въ правѣ сказать, что ихъ соединяютъ хозяйственные, еще точнѣе было бы выразиться, трофологическіе интересы, что они въ цѣломъ составляютъ одну хозяйственную единицу, у которой могутъ быть экономическія отношенія съ другою аналогичною хозяйственною единицей; но называть отношенія между самими членами группы экономическими не только неправильно, но и нелѣпо. И если мы условимся разъ навсегда называть союзъ тѣмъ или инымъ именемъ въ зависимости отъ того, какими отношеніями связаны между собою члены его, то мы должны будемъ назвать этотъ союзъ этическимъ, а не экономическимъ. Едва ли здѣсь можетъ быть споръ. И характерныя черты его ясно выступаютъ передъ нами, это—суммарность обмѣна услугъ и его непринудительность въ смыслѣ отсутствія точно опредѣленныхъ правъ на возмездіе за трудъ на общую пользу и отсутствія юридической защиты этихъ правъ.

Сопоставимъ теперь рядомъ отношенія экономическія. Начнемъ съ болѣе простого случая. Положимъ въ странѣ, еще не знающей товарнаго хозяйства, существуетъ въ селѣ кузнецъ, который подковываетъ лошадей и беретъ за это по мѣркѣ зерна съ лошади. Не очевидно ли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ соціальною связью кузнеца съ тѣми крестьянами, которые приводятъ къ нему своихъ лошадей ковать? Мы, очевидно, имѣемъ передъ собою случай обмѣна услугъ въ принятомъ нами соціологическомъ смыслѣ этого слова. Кузнецъ дѣлаетъ для крестьянина нѣчто такое, что въ извѣстной мѣрѣ способствуетъ успѣхамъ послѣдняго въ борьбѣ на жизненномъ поприщѣ и взамѣнъ этого получаетъ отъ того также нѣчто необходимое ему самому для жизни. Итакъ, здѣсь, несомнѣнно, обмѣнъ услугъ, но назовемъ ли мы эти отношенія этическими? Нѣтъ, но почему? Чѣмъ отличаются эти отношенія отъ тѣхъ, какія мы видѣли между членами крестьянской семьи? Да прежде всего тѣмъ, что здѣсь обмѣнъ не суммарный, а розничный, здѣсь передъ нами не равенство чувствъ преданности другъ другу, а мѣна даннаго опредѣленнаго количества услуги съ одной стороны на данное опредѣленное количество услуги съ другой. Если, напримѣръ, кузнецъ заболѣетъ или отъ дряхлости станетъ неспособенъ къ работѣ, то крестьянамъ, ковавшимъ у него лошадей, нѣтъ никакого дѣла до этого. Нѣтъ имъ дѣла до него и въ томъ случаѣ, если никому не требуется ковать лошадей въ данное время, а кузнецъ сидитъ безъ хлѣба и голодаетъ. Связь между кузнецомъ и крестьяниномъ заключается не въ общей взаимной помощи другъ другу въ жизненной борьбѣ, а лишь въ мѣнѣ данныхъ опре-

дѣленныхъ услугъ. Это мы и называемъ розничнымъ обмѣномъ въ противоположность суммарному—этическому. Другое различіе въ томъ, что здѣсь обмѣнъ носитъ принудительно-мирный характеръ. Работа кузнеца даетъ ему право на полученіе обѣщаннаго ему опредѣленнаго количества зерна. И это право защищено публичною властью Между тѣмъ, какъ право дѣда, лежащаго на печи, или мальчишки, ходящаго въ школу, на уходъ за ними, на пищу и питье, обувь и одежду правомъ не обезпечены; точнѣе говоря, здѣсь такого права вовсе не существуетъ, если только это чисто этическій союзъ, еще не находящійся подъ опекой публичной власти.

Если мы предположимъ теперь, что кузнецъ за свою работу вмѣсто мѣрки зерна получаетъ четвертакъ денегъ, то сущность дѣла отъ этого ничуть не измѣняется, а только усложняется. Взамѣнъ своей услуги кузнецъ получаетъ непосредственно не трудъ, а деньги, которыя онъ сможетъ уступить другому крестьянину и взамѣнъ того получитъ ту же мѣрку зерна. Получается такимъ образомъ круговая мѣна услугъ. Но такая же круговая мѣна возможна и дѣйствительно существуетъ между членами всякаго этическаго союза. Но между обоими случаями, кромѣ суммарности и юридической защиты, есть еще одна весьма существенная разница, выяснить которую можно слѣдующимъ примѣромъ. Положимъ, кузнецъ получилъ четвертакъ денегъ вмѣсто мѣрки зерна; положимъ, далѣе, что къ нему приходитъ другой крестьянинъ и предлагаетъ ему хлѣбъ, но кузнецъ въ хлѣбѣ не нуждается, а крестьянинъ, которому онъ предлагаетъ четвертакъ, очень нуждается въ деньгахъ, такъ какъ хлѣба у него не берутъ, а ему нужна дуга, которую можно получить за деньги. Кузнецъ и предлагаетъ этому крестьянину четвертакъ за $1^1/_2$ мѣрки зерна, тотъ находитъ это выгоднымъ для себя, и мѣна совершается. Въ результатѣ мы видимъ, что если бы первый крестьянинъ принесъ кузнецу хлѣбъ, то этотъ получилъ бы за свой трудъ 1 мѣрку зерна, благодаря же тому, что тотъ принесъ ему деньги, у кузнеца оказалось лишнихъ $^1/_2$ мѣрки.

Возможно это потому, что значеніе и цѣна услуги бываютъ различны въ зависимости отъ тѣхъ условій, при которыхъ онѣ совершаются Неравенство услугъ при ихъ размѣнѣ сплошь да рядомъ даже значительнѣе при этическихъ отношеніяхъ, нежели при экономическихъ; но весьма существенное различіе въ томъ, что въ одномъ случаѣ разница можетъ накопляться, а въ другомъ нѣтъ. При суммарномъ обмѣнѣ чѣмъ больше человѣкъ нуждается въ помощи, тѣмъ, говоря вообще, большая помощь ему и оказывается; ибо разъ въ нуждѣ услуга не оказывается, то утрачивается вѣра въ солидарность интересовъ, и этическая связь рушится При розничномъ обмѣнѣ между тремя или болѣе лицами на первый планъ выступаетъ желаніе воз-

можно больше получить при мѣнѣ, ибо это дастъ больше средствъ для полученія большей услуги съ третьяго лица, а обмѣнъ услугъ съ этимъ третьимъ лицомъ происходитъ независимо отъ того, какъ онъ совершенъ былъ между первымъ и вторымъ лицомъ. И такъ какъ къ тому же эта мѣна розничная, то она отнюдь не ведетъ къ разрыву связи, какъ при этическихъ отношеніяхъ. Получается, такимъ образомъ, *разница* при обмѣнѣ услугъ, и разница эта можетъ накопляться, и накопленная разница получаетъ такую же юридическую защиту, какъ и всякое другое право Накопленіе разницы, дающее возможность получать значительное количество услугъ и взамѣнъ этого давать незначительное количество ихъ создаетъ различіе между положеніемъ лица, располагающаго такою разницей, и не располагающаго ею, и условія, въ которыхъ они стоятъ благодаря этому, при всякой дальнѣйшей мѣнѣ услугъ становятся все болѣе и болѣе неравными. Такимъ образомъ, накопленіе разницы имѣетъ тенденцію къ постоянному росту.

Теперь представимъ себѣ вполнѣ развитыя экономическія отношенія. Что же наблюдаемъ мы здѣсь? Въ чемъ заключается соціальная связь, соединяющая индивидовъ экономической группы при развитомъ товарномъ хозяйствѣ? Здѣсь каждый индивидъ либо производитъ товаръ, т -е расходуетъ свой трудъ на то, чтобы изготовить предметъ, который могъ бы удовлетворять чужія потребности, и этимъ предметомъ, дѣйствительно, удовлетворяютъ свои потребности сотни и тысячи въ большинствѣ случаевъ совершенно неизвѣстныхъ ему лицъ, либо непосредственно оказываетъ имъ услуги, т.-е. непосредственно удовлетворяетъ тѣ или иныя ихъ потребности. Въ свою очередь, и потребности даннаго лица удовлетворяются благодаря тому, что на него работаютъ сотни другихъ лицъ, добывающихъ хлѣбъ, разводящихъ скотъ, выдѣлывающихъ ткани и т. д. и т д Основной соціальный смыслъ такого порядка заключается въ томъ, что каждый удовлетворяетъ потребности многихъ, а его собственныя потребности удовлетворяются трудомъ этихъ многихъ. Здѣсь все построено на обмѣнѣ услугъ, и на этой мѣнѣ основана экономическая зависимость одного индивида отъ другого. Если земледѣлецъ перестанетъ производить хлѣбъ, то сапожникъ останется безъ хлѣба; если сапожникъ перестанетъ производить сапоги, то крестьянинъ останется безъ сапогъ. Но никакого нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это только идеальная экономическая связь, въ дѣйствительности нигдѣ не существующая въ такомъ простомъ видѣ.

Но прежде чѣмъ изображать тѣ формы, какія она въ дѣйствительности принимаетъ, предположимъ, что она возможна, и постараемся, такимъ образомъ, выяснить соціальную сущность денегъ и мѣновой цѣнности. Ясно, что при такомъ идеальномъ порядкѣ деньги

имѣютъ лишь значеніе орудія обмѣна и тѣсно связанное съ такою ролью значеніе мѣрила цѣнности. Полученіе денегъ за изготовленный товаръ будетъ имѣть значеніе лишь удостовѣренія въ томъ, что мною затраченъ трудъ для удовлетворенія чужихъ потребностей, и что это даетъ мнѣ право на то, чтобы и мои потребности были удовлетворены въ соотвѣтствующемъ количествѣ Роль денегъ сводится въ такомъ случаѣ къ тому, что онѣ служатъ выраженіемъ или воплощеніемъ мѣновой цѣнности, т.-е. мѣриломъ того значенія, той цѣны, какую общество придаетъ затраченному мною труду, и того количества труда другихъ лицъ, какое могу я получить взамѣнъ этого Говоря словами Маркса, мѣновая цѣнность есть матеріализація абстрактнаго человѣческаго труда; переводя это на принятую нами соціологическую терминологію, мы бы сказали, что мѣновая цѣнность есть мѣрило количества услуги, имѣющей общественное значеніе. И если мы примемъ во вниманіе, что у Маркса все время рѣчь идетъ лишь о трудѣ, имѣющемъ общественное значеніе, то увидимъ, что понятіе такого труда довольно близко подходитъ къ тому понятію соціальной услуги, имѣющей общественное значеніе, о которомъ я только что говорилъ.

Но такая идеальная мѣновая цѣнность существуетъ лишь какъ абстрактное научное понятіе Въ дѣйствительности, благодаря тому раздѣленію труда или, выражаясь иначе, тому круговому обмѣну услугъ, который совершается между членами группы, въ общемъ создается зависимость каждаго отъ всѣхъ и всѣхъ отъ каждаго. Но зависимость эта, во-первыхъ, подвержена постояннымъ колебаніямъ и, во-вторыхъ, неравна между всѣми членами. Нынче я купилъ мѣрку овса за 25 к., а завтра я могу продать ее за 30 к. А отношеніе между сапожникомъ, не имѣющимъ ни куска хлѣба для своей семьи, и продавцомъ хлѣба, съ одной стороны, и отношеніе между купцомъ, имѣющимъ склады хлѣба, и тѣмъ же продавцомъ хлѣба—съ другой, совершенно различны; поэтому и размѣнъ услугъ происходитъ при совершенно различныхъ условіяхъ въ одномъ и въ другомъ случаѣ. Другими словами, дѣло сводится все къ той же разницѣ, создающейся при мѣнѣ. И разница эта, какъ мы видѣли, имѣетъ тенденцію къ постоянному накопленію Въ этомъ соціологическое объясненіе не только добавочной стоимости и биржевой игры на разницу, но и ренты.

Итакъ, различіе между этическими и экономическими отношеніями и явленіями заключается вовсе не въ томъ, какого рода услугу оказываю я другому лицу, и что̀ является результатомъ моей дѣятельности—хлѣбъ или сапоги, или же спасеніе жизни человѣка либо воспѣваніе любви. Если, напримѣръ, человѣкъ сидитъ за микроскопомъ и выискиваетъ въ свиныхъ тушахъ трихины для того, чтобы предупредить отравленіе ими другихъ лицъ, и за каждую тушу, въ которой

окажутся трихины, получаетъ 5 руб., то отношенія между такимъ лицомъ и лицами, жизнь которыхъ спасается въ такихъ случаяхъ,—суть отношенія экономическія. Точно такъ же, если человѣкъ пишетъ стихи и получаетъ по 5 коп. за строку, то отношенія между нимъ и издателемъ и читателями также по существу экономическія, хотя здѣсь возможна примѣсь и другихъ, напримѣръ, этическихъ элементовъ. И напротивъ того, если человѣкъ пашетъ, скородитъ и засѣваетъ землю, жнетъ и молотитъ хлѣбъ и этимъ хлѣбомъ кормитъ отжившаго свои зубы дѣда или еще не дожившаго до зубовъ сына, то отношенія между ними не экономическія, а этическія.

Стало быть, Productionsprocess не то же самое, что Oekonomie, какъ это думалъ Марксъ *),—можетъ быть процессъ производства безъ экономіи и можетъ быть экономія безъ процесса производства; и, слѣдовательно, сущность экономическихъ отношеній заключается не въ производствѣ предметовъ опредѣленной категоріи, а въ томъ, на какихъ началахъ происходитъ обмѣнъ услугъ между членами группы.

На основаніи всего сказаннаго мы можемъ утверждать, что въ конечномъ итогѣ различіе между этическими и экономическими связями сводится къ тремъ признакамъ. Во-первыхъ, въ одномъ случаѣ обмѣнъ услугъ суммарный, въ другомъ розничный; во-вторыхъ, въ одномъ случаѣ онъ не обставленъ правовыми гарантіями, въ другомъ обставленъ. Таковы два основныхъ признака. Изъ нихъ неизбѣжно вытекаетъ производный—третій по мѣсту, но, быть можетъ, первый по значенію—возможность накопленія разницы при обмѣнѣ, на чемъ и вырастаетъ та зависимость однихъ членовъ экономическаго союза отъ другихъ, которую мы наблюдаемъ въ современномъ обществѣ, и благодаря которой весь этотъ вопросъ переносится съ почвы объективнаго научнаго изслѣдованія на почву партійной борьбы классовыхъ интересовъ Мы можемъ вполнѣ признать, что часто при подобныхъ отношеніяхъ одинъ членъ общества отдаетъ всѣ свои жизненныя силы и взамѣнъ этого получаетъ лишь ничтожное количество тѣхъ знаковъ, которые имѣютъ значеніе простыхъ орудій обмѣна,—но не понимать того, что, именно, въ этомъ-то особенно рельефно и выражается та соціальная связь и та соціальная зависимость, которыя развиваются на почвѣ такого обмѣна, не признавать этого—значитъ совершенно игнорировать всю соціологическую подкладку экономическихъ явленій

Наконецъ, можно указать и четвертый признакъ, отличающій этику отъ экономики, въ сущности заключающійся въ самомъ понятіи суммарности. Дѣйствительно, изъ суммарности этическихъ отношеній и розничности экономическихъ, несомнѣнно, вытекаетъ глубокое психологическое различіе между тѣми и другими для отдѣльнаго лица; ибо

*) Kapital, I, S. 48.

одно есть нѣчто случайное, единичное, внѣшнее, а другое есть цѣлая система внутреннихъ отношеній; и можетъ она принести плоды лишь тогда, когда она глубоко укореняется въ самыя нѣдра психическаго міра человѣка и не позволяетъ ему итти на тѣ компромиссы, которые представляются на каждомъ шагу и всякая уступка которымъ неизбѣжно ведетъ къ расторженію этическихъ узъ

Изученіе экономическихъ отношеній, какъ частной формы соціальныхъ отношеній, и составляетъ предметъ политической экономіи.

Теперь, когда мы установили то положеніе, что въ основѣ этическихъ и экономическихъ отношеній лежитъ одна общая соціальная связь, намъ легко будетъ согласиться и съ тѣмъ, что та же связь лежитъ и въ основѣ политическихъ отношеній. Mutatis mutandis мы неизбѣжно и здѣсь приходимъ къ тому выводу, что основу политическаго союза составляетъ обмѣнъ услугъ между правящими и управляемыми, но изъ этого основного факта и здѣсь обыкновенно вытекаетъ производный—неравенство въ положеніи тѣхъ сторонъ, между которыми совершается этотъ обмѣнъ, а слѣдовательно, и неравенство обмѣниваемыхъ услугъ.

Намъ нѣтъ необходимости еще разъ такъ подробно останавливаться на вопросѣ о частноправовыхъ отношеніяхъ Очевидно, что они сводятся къ установленію нормъ обмѣна услугъ и вообще,—нормъ отношеній между членами общества, связанными такимъ обмѣномъ нормъ, получившихъ защиту власти. И потому право возможно лишь тамъ, гдѣ есть власть для его защиты. Гдѣ власти нѣтъ, тамъ и частное право будетъ пустымъ звукомъ, а не реальнымъ фактомъ. Здѣсь мы будемъ встрѣчаться со случайнымъ проявленіемъ правового элемента, но не найдемъ ни устойчивости, ни типичности, ни самостоятельной закономѣрности въ развитіи правовыхъ элементовъ. Здѣсь будутъ зачатки права, но не право въ собственномъ и точномъ смыслѣ этого слова. Въ силу тѣхъ же основаній мы и политическія отношенія выдѣляемъ въ особую категорію соціальныхъ явленій и говоримъ, что политика предшествуетъ праву. Въ политическихъ отношеніяхъ присутствуетъ, какъ указано было выше, правовой элементъ, но закономѣрность политическихъ явленій обусловлена не правовымъ элементомъ, отступающимъ здѣсь на второй планъ, а закономѣрностью статики и динамики спеціально политическихъ силъ.

Главная оговорка, которую необходимо еще сдѣлать, заключается въ томъ, на что уже было указано выше А именно, здѣсь, какъ и въ публичномъ правѣ, особенно часто соціальная зависимость между членами заключается не только въ обмѣнѣ положительныхъ услугъ, но и въ обмѣнѣ дѣяній, имѣющихъ отрицательное значеніе для жизни другихъ членовъ, т. е въ нанесеніи ущерба ихъ жизненнымъ интересамъ. Но это ничуть не ограничиваетъ того основного нашего положенія, что

въ каждомъ частно-правовомъ явленіи мы должны видѣть особую спеціальную форму проявленія отношеній публично-правовыхъ

Съ изложенной точки зрѣнія легко и просто рѣшается и контроверза о естественномъ правѣ и естественномъ или справедливомъ экономическомъ порядкѣ. Если мы предположимъ, что при томъ обмѣнѣ услугъ, который наблюдается въ политическомъ или экономическомъ союзѣ, заинтересованныя стороны не пользуются тѣмъ неравенствомъ силъ, которое является, какъ мы видѣли, неизбѣжнымъ выводомъ изъ обмѣна услугъ въ такихъ союзахъ, то не трудно замѣтить, что мы получимъ порядки математически тожественные съ тѣми, о которыхъ говоритъ естественное право. Въ такомъ случаѣ, поскольку ученіе о естественномъ правѣ имѣетъ въ виду нормы, соотвѣтствующія реальной дѣйствительности, оно ложно, поскольку же оно говоритъ объ идеальной нормѣ, къ которой тяготѣютъ индивиды, интересы которыхъ затрагиваются существующимъ неравенствомъ, постольку оно соотвѣтствуетъ реальной силѣ, существующей во всякомъ обществѣ, но въ то же время постольку же оно, мнѣ кажется, и излишне, разъ мы будемъ принимать во вниманіе при изученіи всякаго даннаго строя не только его статику, но и его динамику, т. е. не только тѣ порядки, которые мы видимъ въ данный моментъ, но и тѣ силы, которыя стремятся ихъ измѣнить.

Если установленное нами соотношеніе между перечисленными четырьмя дисциплинами правильно, то этика не только призвана занять свое опредѣленное мѣсто среди соціальныхъ наукъ наряду съ политикой, правомъ и экономикой, но это есть первая въ ряду соціальныхъ наукъ, тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется все соціальное зданіе. Признанію этой капитальной соціологической истины препятствуетъ особый, какъ мнѣ кажется, мало научный взглядъ на этику. Я не имѣю возможности входить здѣсь въ подробное обсужденіе этого вопроса, но мнѣ кажется не подлежащимъ сомнѣнію тотъ фактъ, что всякую этику всегда можно разложить на два элемента—соціальный и религіозный. Я прибавилъ бы, что, въ свою очередь, и во всякой религіи мы можемъ вскрыть также два элемента—чисто философскій элементъ міросозерцанія и вѣры и элементъ соціальный Но, къ сожалѣнію, вопросъ этотъ совершенно не разработанъ, быть можетъ, не слишкомъ смѣло будетъ сказать, что онъ даже не тронутъ Въ виду всего этого, а также не желая удаляться отъ главнаго предмета своей темы, я буду настаивать лишь на томъ, что во всякой этикѣ мы можемъ вскрыть соціальный элементъ. Утверждая это, мы остаемся на строго позитивной почвѣ, ибо въ данномъ случаѣ мы исходимъ изъ того основного факта, что пока нѣтъ ни инстинктивнаго влеченія, ни сознанія солидарности между членами группы, до тѣхъ поръ не возможна никакая форма политическаго союза; другими словами, пока нѣтъ этики, не можетъ

быть и политики,—въ лучшемъ случаѣ возможенъ лишь біологическій симбіозъ, но отнюдь не соціальное, т. е культурное, явленіе. Что касается насъ, то мы подъ этикой все время понимали и будемъ понимать лишь науку объ указанной выше опредѣленной формѣ соціальныхъ отношеній.

Здѣсь, при всемъ моемъ желаніи возможно тѣснѣе держаться своей темы и уклоняться ото всякой полемики съ кѣмъ бы то ни было, я не могу не затронуть косвенно того идеалистическаго движенія, которое идетъ теперь на смѣну породившему его экономическому матеріализму. Мнѣ кажется, теченіе это грозитъ не распутать вопросъ объ отношеніи этики къ другимъ формамъ соціальныхъ отношеній, а напротивъ, запутать его въ гордіевъ узелъ, ибо въ основѣ этого движенія, какъ мы его видимъ теперь, лежитъ гибельное для всякой науки смѣшеніе проблемъ двухъ совершенно разнородныхъ категорій—въ данномъ случаѣ, проблемъ трансцендентальныхъ и позитивныхъ. Поскольку это теченіе признаетъ наличность трансцендентальныхъ проблемъ и указываетъ на ихъ важность, постольку мы можемъ признать его вполнѣ законнымъ и умѣстнымъ. Постольку же законно и умѣстно оно и въ томъ случаѣ, когда говоритъ лишь о томъ, что наука и жизнь не одно и то же, что намъ надо не только знать въ жизни, но и хотѣть. Но поскольку оно берется за рѣшеніе вопросовъ о правѣ или этикѣ, гдѣ передъ нами конкретныя явленія, измѣняющіяся при измѣненіи другихъ явленій такой же феноменальной, а не ноуменальной категоріи и поскольку оно переноситъ рѣшеніе этихъ вопросовъ съ позитивной на метафизическую почву, постольку это движеніе есть шагъ назадъ, а не впередъ, не распутываніе вопроса, а его запутываніе.

Основныя положенія моего сообщенія, я надѣюсь, покажутся еще болѣе убѣдительными и доказательными, когда мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ наиболѣе типичныхъ формъ соціальной организаціи въ грубыхъ чертахъ соотвѣтствуютъ установленной нами іерархіи соціальныхъ наукъ, и когда, перейдя къ бѣглому обзору этихъ формъ, мы на такой болѣе конкретной почвѣ намѣтимъ тѣ главныя проблемы, которыя подлежатъ разсмотрѣнію каждой изъ указанныхъ дисциплинъ.

II.

Такими типичными конкретными формами, о которыхъ я говорилъ, я считаю семейно-родовую общину, городскую общину, большое правовое государство и капиталистическій строй.

Во избѣжаніе обвиненія въ натяжкахъ и тенденціозномъ истолкованіи фактовъ, считаю необходимымъ начать съ того, что соотвѣтствіе, о которомъ я говорю, есть соотвѣтствіе лишь въ общихъ чертахъ, грубое,—соотвѣтствіе по тому основному принципу, который имѣетъ преобладающее, но отнюдь не исключительное значеніе. Поэтому и соотвѣтствіе это вскрывается лишь въ томъ случаѣ, когда мы беремъ наиболѣе типичные изъ конкретныхъ примѣровъ, т.-е тѣ, гдѣ данная этическая, политическая, частноправовая или экономическая тенденція особенно рѣзко и односторонне выражена.

Это—во-первыхъ А во-вторыхъ, указывая на эти четыре типичныя формы, я вовсе не хочу этимъ сказать, что всякое общество неизбѣжно должно пройти четыре такихъ ясно выраженныхъ стадіи послѣдовательнаго развитія. Я хочу лишь сказать, что среди наличныхъ формъ соціальной организаціи мы можемъ указать такія, гдѣ довольно ясно выступаетъ на первый планъ каждый изъ тѣхъ четырехъ видовъ соціальной связи, которые были нами разобраны выше.

Затѣмъ, задача моя будетъ заключаться, конечно, не въ томъ, чтобы дать картину той или иной конкретной формы соціальной организаціи, а лишь въ томъ, чтобы указать, что общеизвѣстныя черты, которыми характеризуется строй каждаго изъ разбираемыхъ нами типовъ, болѣе или менѣе близко соотвѣтствуютъ тѣмъ понятіямъ этическаго, политическаго, частноправоваго или экономическаго союза, которыя я пытался выяснить въ первой части своего сообщенія.

Родъ, большая семья или семейно-родовая община есть то первичное, устойчивое соціальное соединеніе, организація котораго наилучше выяснена и поэтому наименѣе вызываетъ споровъ Если мы заглянемъ въ эпоху до-родового быта, то тамъ намъ трудно будетъ найти другую такую устойчивую группу. И, по всей вѣроятности, мы тщетно будемъ тамъ искать какого-либо единообразія въ преемствѣ формъ. Объясненіе этому факту, мнѣ кажется, очень простое—тамъ мы въ большинствѣ случаевъ уже выходимъ изъ предѣловъ болѣе или менѣе ясно выраженныхъ соціальныхъ отношеній и вдаемся въ область промежуточную между біологіей и соціологіей. Хотя здѣсь мы могли бы встрѣтить въ высшей степени характерныя отношенія, могущія служить превосходной иллюстраціей тѣхъ мирно-благожелательныхъ отношеній, которыя стоятъ на границѣ между біологіей и соціологіей и на

почвѣ которыхъ развиваются могущественныя этическія связи, какъ на это было указано выше. Я нахожу, однако, болѣе удобнымъ перейти прямо къ разсмотрѣнію отношеній въ семейно-родовой общинѣ.

Что это есть опредѣленная соціальная группа, это едва ли кто-либо станетъ отрицать. Ясно и то, что смыслъ существованія такого соединенія есть совмѣстное отстаиваніе общихъ интересовъ. Но, спрашивается, подъ рубрику какихъ отношеній подведемъ мы то, что связываетъ членовъ такой общины, на какомъ принципѣ зиждется связь, соединяющая членовъ этой группы? Есть ли это отношенія экономическія? Безусловно нѣтъ, потому что здѣсь нѣтъ частной собственности на произведенія своего труда, здѣсь нѣтъ понятія мѣновой цѣнности, здѣсь нѣтъ гарантій, обезпечивающихъ свободу распоряженія своею личностью или своимъ имуществомъ, и здѣсь, несомнѣнно, нѣтъ розничнаго размѣна услугъ Здѣсь все основано на сознаніи солидарности общихъ интересовъ. Здѣсь всѣ безвозмездно работаютъ на всѣхъ, и всякій такъ же безвозмездно пользуется всѣмъ тѣмъ, что ему необходимо для жизни. Здѣсь есть очень тѣсный, очень интенсивный обмѣнъ услугъ между членами, но этотъ обмѣнъ носитъ характеръ чего-то непринудительнаго, свободнаго, основаннаго на началахъ любви и преданности къ другимъ членамъ, другими словами, на такихъ началахъ, которыя нельзя подвести ни подъ какую экономическую или правовую мѣрку. Говорить, что здѣсь каждый членъ работаетъ и потому имѣетъ *право* получать свою долю пищи и одежды,— совершенно неправильно. О правѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его понимаемъ, въ типичныхъ конкретныхъ примѣрахъ не можетъ быть рѣчи.

Наконецъ, чѣмъ опредѣляется здѣсь мѣсто, занимаемое членомъ группы? Двумя признаками—его преданностью интересамъ общины и его способностью служить этимъ интересамъ. Здѣсь нѣтъ существенныхъ различій ни по власти, ни по правамъ, ни по зажиточности, здѣсь нѣтъ ни политической, ни юридической, ни экономической диференціаціи, или, если онѣ есть, то въ самой зачаточной формѣ. Такимъ образомъ, если мы возьмемъ подобную форму семейной общины, то мы найдемъ здѣсь всѣ тѣ признаки, которыми характеризуется первичная форма соціальныхъ отношеній, именно — этическія отношенія.

Но нельзя не отмѣтить того, что такая семейно-родовая община, построенная на чисто этическихъ началахъ, встрѣчается сравнительно рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ мы уже находимъ здѣсь и зародыши другихъ отношеній, прежде всего—политическихъ и отчасти частноправовыхъ. Дѣйствительно, обсужденіе болѣе важныхъ вопросовъ вызываетъ здѣсь образованіе семейнаго совѣта, гдѣ всѣ подаютъ свой совѣщательный голосъ и гдѣ приходятъ сообща къ извѣстному рѣше-

нію, которому добровольно подчиняются всѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ этотъ семейный совѣтъ проявляетъ и власть, напримѣръ, при выборѣ старѣйшины, которому принадлежатъ извѣстныя преимущества надъ другими членами, или въ видѣ, напримѣръ, суммарнаго суда надъ отдѣльными членами. Поэтому семейную общину мы можемъ разсматривать какъ зачаточную форму политическаго союза, и если мы возьмемъ вполнѣ развитыя формы родового быта, то здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ переходною формой отъ семейной общины къ политическому союзу: но я говорю въ данномъ случаѣ объ организаціи не того вполнѣ развитого рода, на которомъ обыкновенно особенно подробно останавливаются соціологи, желая выдвинуть зачаточныя формы государственнаго быта, а объ организаціи тѣхъ семейныхъ общинъ, гдѣ еще нѣтъ замѣтнаго сосредоточенія власти въ рукахъ старѣйшины или начальника. И если мы возьмемъ такую еще слабо развитую семейно-родовую организацію, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что основнымъ связующимъ звеномъ служитъ здѣсь не политическая власть и не правовыя нормы, а взаимная преданность членовъ другъ другу.

Перейдемъ теперь къ другой болѣе сложной единицѣ—къ городской общинѣ.

Точное опредѣленіе этого термина, выясненіе характерныхъ чертъ вообще этого типа соціальной организаціи и указаніе всѣхъ тѣхъ конкретныхъ случаевъ, которые можно было бы подвести подъ этотъ типъ, завело бы меня слишкомъ далеко и заставило бы касаться цѣлаго ряда еще не доказанныхъ положеній. Поэтому я ограничусь лишь тѣмъ общимъ замѣчаніемъ, что подъ эту категорію мы можемъ подвести прежде всего Римъ въ его древнѣйшую эпоху и множество древне-греческихъ общинъ такъ же въ болѣе ранней стадіи ихъ развитія. Наиболѣе односторонне выраженной и въ этомъ смыслѣ наиболѣе типичною формой такой организаціи я считаю спартанское устройство, конечно, не позже эпохи Пелопонесской войны.

Если мы сопоставимъ его съ порядками типичной семейной общины, то тотчасъ намъ бросается въ глаза цѣлый рядъ новыхъ характерныхъ чертъ. Прежде всего на первый планъ выдвигается необычайно сильная политическая власть, передъ которою отдѣльный индивидъ совершенно незамѣтная, ничтожная величина, и главное звено, связующее всю группу въ одно цѣлое, не взаимная преданность членовъ другъ другу, а сила. Тѣ политическія преимущества, полномочія, которыми пользуются здѣсь члены общины, держащіе въ своихъ рукахъ власть, по отношенію къ тѣмъ подчиненнымъ концентрическимъ кругамъ, на которые распадается вся спартанская община,—громадны. Право играетъ здѣсь крупную роль, но право политическое, а не частное. И на всемъ, что мы могли бы подвести здѣсь подъ по-

нятіе частнаго права, лежитъ рѣзкая политическая окраска. Этическія отношенія играютъ здѣсь еще довольно значительную роль, но лишь среди горсти полноправныхъ, т.-е. держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ политическія полномочія, членовъ. Вся же община въ цѣломъ не только не построена на началахъ взаимной преданности всѣхъ членовъ другъ другу, но, напротивъ, здѣсь почти всѣ слои пропитаны глухой затаенной враждой къ даннымъ порядкамъ, и вражда заглушается лишь мечомъ и кровью. Въ спартанскомъ строѣ, несомнѣнно, очень рѣзко выражено и неравенство въ пользованіи хозяйственными благами Но утверждать, что здѣсь политическія полномочія основаны на экономическихъ отношеніяхъ и вытекаютъ изъ экономическаго неравенства, можетъ лишь тотъ, кто знакомъ съ этимъ строемъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ. Для историка же, ближе изучавшаго самый спартанскій строй, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что политическая власть здѣсь даетъ право на бблышую долю хозяйственныхъ благъ, а не обратно, и политическое безправіе лишаетъ безправнаго члена даже того, что уже находится въ его рукахъ.

Марксъ со своимъ обычнымъ остроуміемъ и ядомъ полемизируетъ противъ тѣхъ, кто выдвигаетъ это различіе между античными общинами и современными порядками. Но я желалъ бы знать, приложима ли къ отношеніямъ гелотовъ къ спартіатамъ или даже къ отношеніямъ спартіатовъ между собою хоть одна изъ тѣхъ политико-экономическихъ теоремъ, которыя были имъ установлены. Если мнѣ скажутъ, что Марксъ анализируетъ лишь одну изъ формъ экономическаго строя, то я попросилъ бы указать мнѣ, у кого найдемъ мы такія политико-экономическія теоремы, которыя были бы приложимы къ спартанскимъ отношеніямъ. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, позволительно усомниться и въ томъ, дѣйствительно ли и самъ Марксъ могъ бы указать какой-либо другой, а не капиталистическій строй, гдѣ экономическія отношенія имѣли бы свое самостоятельное развитіе и свои самостоятельные законы, а не опредѣлялись цѣликомъ законами либо политической силы, какъ въ Спартѣ, либо этическими отношеніями, какъ въ семейно-родовой общинѣ. Если кромѣ капиталистическаго строя существуютъ и какіе-то другіе виды экономической организаціи, гдѣ хозяйственныя отношенія подчиняются своимъ опредѣленнымъ политико-экономическимъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ капиталистической политической экономіи, то почему же никто изъ марксистовъ не взялся раскрыть намъ этихъ законовъ? Это, по моему мнѣнію, странно. Я лично не сомнѣваюсь въ томъ, что если кто-либо возьметъ на себя задачу изучить тѣ экономическіе законы, на которыхъ построено было спартанское общество, то онъ неизбѣжно придетъ лишь къ одному выводу, что распредѣленіемъ и обмѣномъ хозяйственныхъ благъ здѣсь управляютъ политическіе, а не экономическіе законы, законъ меча и

политическаго права, а не законъ денегъ. И когда мечъ утратилъ здѣсь свою силу и его мѣсто заняли деньги, тогда Ликурговская Спарта была уже въ полномъ разложеніи.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ еще, что мы и всѣ античныя общины и во всѣ эпохи должны подвести подъ типъ такого же чисто-политическаго союза Странно было бы не видѣть, напримѣръ, громаднаго различія между Спартой VII или VIII вѣка и Аѳинами или Коринѳомъ V вѣка, а тѣмъ болѣе Римомъ временъ Гракховъ или Цезаря. Но это различіе только служитъ подтвержденіемъ основного моего положенія, а не его опроверженіемъ. Ибо, если громадна разница между сравнительнымъ значеніемъ политическихъ и экономическихъ связей въ Спартѣ и Аѳинахъ, то не менѣе очевидна разница между ихъ сравнительнымъ значеніемъ въ Аѳинахъ и современной Англіи или Франціи, и, стало-быть, разница между Спартой и современною Франціей еще неизмѣримо громаднѣе.

Если мы изъ первой половины перваго тысячелѣтія до Р. Х. перенесемся въ первую половину XIX в. или конецъ XVIII, а изъ Лаконіи въ С Америку, то, мнѣ кажется, здѣсь мы найдемъ соціальный строй того типа, который построенъ прежде всего на правовомъ началѣ, строй, гдѣ это частноправовое начало выражено въ наиболѣе чистой формѣ. Подобно тому, какъ и въ Спартѣ, мы находимъ здѣсь вполнѣ организованную политическую власть, но основнымъ принципомъ соціальнаго строя здѣсь является не полное поглощеніе индивида обществомъ, а скорѣе, напротивъ того, здѣсь главная задача власти, ея главный raison d'être есть защита правъ отдѣльныхъ индивидовъ отъ чьихъ бы то ни было посягновеній. Именно, этотъ частноправовый мотивъ, исканіе свободы личныхъ дѣйствій и мыслей заставилъ бѣжать этихъ колонистовъ съ родины, и на защиту этой свободы прежде всего и направили свою политическую организацію американцы.

Мы найдемъ здѣсь и этическій элементъ, но не онъ связалъ американцевъ въ одинъ союзъ; это очевидно хоть бы изъ того, что каждый членъ этой группы имѣетъ сношенія лишь съ ничтожною горстью изъ числа всѣхъ членовъ союза. И едва ли кому-либо придетъ въ голову утверждать, что американцевъ связывала такая же преданность другъ другу, какая связываетъ воедино членовъ какой-нибудь славянской задруги. Что здѣсь и не экономическая связь играетъ главную, доминирующую роль,—это также едва ли станетъ отрицать историкъ, знакомый хоть въ общихъ чертахъ съ хозяйственными условіями сѣверо-американскихъ колоній въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX вѣка. Экономическія связи между различными частями въ ту эпоху были, несомнѣнно, довольно слабы. Силу каждаго индивида составляли здѣсь не его политическія преимущества и не его экономическое превосходство,

а тѣ гражданскія права, которыми онъ пользовался какъ членъ союза; опредѣленное мѣсто въ странѣ занималъ онъ въ силу тѣхъ гражданскихъ правъ, которыми онъ пользовался наравнѣ съ другими членами. При этомъ я имѣю въ виду, конечно, не рабовладѣльческіе штаты.

Перейдемъ теперь къ четвертой изъ наиболѣе типичныхъ формъ соціальной организаціи, именно—къ капиталистическому строю. Въ чистой формѣ такой строй еще нигдѣ не осуществлялся Но въ исторіи можно указать эпохи, когда наиболѣе характерныя черты этого строя получали довольно яркое выраженіе и служили провозвѣстникомъ того, чего можно ожидать при полномъ его господствѣ. Указывая на конкретные примѣры, я могу въ данномъ случаѣ ограничиться лишь двумя, тремя замѣчаніями, такъ какъ характерныя черты этого строя въ общемъ превосходно намѣчены и иллюстрированы на цѣломъ рядѣ примѣровъ Марксомъ. Всего полнѣе и одностороннѣе намѣтились эти черты, конечно, въ нѣкоторыхъ изъ передовыхъ странъ современнаго міра. Быть-можетъ, всего рельефнѣе выступаютъ онѣ въ современной Франціи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Этическая связь, соединяющая воедино членовъ союза, играетъ здѣсь довольно ничтожную роль. Здѣсь все сильнѣе и сильнѣе выдвигается на первый планъ вовсе не солидарность интересовъ и этическая близость другъ къ другу членовъ группы, а прямо противоположная тенденція — индивидуализмъ, проникающій даже туда, гдѣ есть налицо наиболѣе благопріятныя условія для развитія этическихъ связей, именно—въ семейный союзъ. Замѣчу при этомъ, что я безусловно присоединяюсь въ данномъ случаѣ ко взгляду Маркса, который утверждалъ, что капитализмъ и индивидуализмъ неразрывнымъ образомъ связаны другъ съ другомъ. Ограничиваюсь лишь этимъ общимъ замѣчаніемъ въ надеждѣ на то, что мнѣ удастся при случаѣ болѣе обстоятельно разобрать этотъ вопросъ. Если мы возьмемъ Францію и Англію, то политическая организація страны уже пережила здѣсь кризисъ перехода отъ боевого союза, гдѣ политическая власть еще очень сильна и поэтому равновѣсіе въ обмѣнѣ услугъ между правящими и управляемыми сильно нарушено, къ частноправовому союзу, гдѣ это равновѣсіе возстановляется. Здѣсь на почвѣ хорошо защищенныхъ правъ отдѣльной личности развивается оживленный экономическій обмѣнъ. Общество начинаетъ принимать характеръ обширной промышленной кооперації Соціальною связью здѣсь служатъ по преимуществу экономическіе интересы, и мѣсто, занимаемое индивидомъ, опредѣляется прежде всего его экономическимъ положеніемъ, тою экономическою зависимостью, въ которой находятся отъ него другіе члены и въ которой онъ самъ находится отъ другихъ членовъ.

Этотъ по необходимости очень бѣглый обзоръ наиболѣе характер-

ныхъ чертъ типичныхъ формъ соціальной организаціи показываетъ, что въ исторіи, дѣйствительно, можно найти такія формы, которыя въ общихъ чертахъ соотвѣтствуютъ типу тѣхъ или иныхъ отношеній, спеціально изучаемыхъ этическими, политическими, юридическими и экономическими науками.

Но приложимость такой общей схемы къ конкретнымъ явленіямъ станетъ для насъ гораздо яснѣе, если мы укажемъ тотъ динамическій элементъ, который находится въ каждой изъ этихъ односторонне выраженныхъ формъ, другими словами, тѣ тенденціи, которыя ведутъ къ усиленію или ослабленію того или иного вида соціальныхъ связей.

Начнемъ съ этическихъ отношеній. Основою, на которой они зиждутся, служитъ, какъ мы видѣли, благорасположеніе одного индивида къ другому и вѣра въ такое же благожелательное отношеніе ко мнѣ и съ его стороны Изъ этого вытекаетъ готовность оказать ему ту услугу, въ которой онъ нуждается, и увѣренность въ томъ, что и онъ мнѣ окажетъ такую услугу, въ какой я буду нуждаться.

Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ меньше число членовъ, изъ котораго состоитъ данный этическій союзъ, тѣмъ легче сохраняется солидарность интересовъ, и, напротивъ, чѣмъ обширнѣе группа, тѣмъ труднѣе найти общія для всѣхъ членовъ точки соприкосновенія интересовъ всѣхъ ихъ Но этого мало. Гораздо важнѣе то, что довѣріе членовъ другъ къ другу можетъ быть основано только на близкомъ знакомствѣ, на пониманіи тѣхъ чувствъ и мотивовъ, которыми руководится другой членъ. То же самое и относительно общей оцѣнки качествъ даннаго индивида не однимъ мною, но всѣми членами группы. Общая оцѣнка, играющая во всякомъ этическомъ союзѣ громадную роль и представляющая изъ себя нѣчто въ родѣ зачаточной формы власти, можетъ быть правильна только въ тѣсномъ кругу близкихъ людей. Союзъ крѣпокъ только тамъ, гдѣ возвратъ услуги обезпеченъ; онъ можетъ быть отдаленъ, но фактически—а не юридически—онъ долженъ быть обезпеченъ. Поэтому эти связи крѣпки только до тѣхъ поръ, пока добродѣтель можетъ быть увѣрена въ своемъ торжествѣ, а порокъ неизбѣжно находитъ себѣ наказаніе. А возможно то и другое лишь тамъ, гдѣ человѣкъ находится въ кругу знающихъ другъ друга, добрыхъ, т-е. готовыхъ услужить другому, людей. Изъ всего этого неизбѣжный выводъ: по мѣрѣ роста даннаго соединенія этическія узы имѣютъ тенденцію ослабляться.

Далѣе, если тѣ требованія, которыя предъявляетъ союзъ къ каждому изъ своихъ членовъ, становятся значительно больше той нормы требованій, которую привыкли удовлетворять члены, и если, такимъ образомъ, члены не могутъ быть увѣрены въ возвратѣ услуги, то союзъ неизбѣжно долженъ претерпѣть серьезныя измѣненія. И здѣсь возможны два выхода: либо члены не станутъ оказывать тѣхъ услугъ,

которыя требуются отъ нихъ, либо это поведетъ къ усиленію того давленія, которое оказываетъ союзъ на отдѣльныхъ членовъ, т.-е. къ усиленію той власти, которая въ зародышѣ существуетъ во всякой этической организаціи. Если выгоды, которыя можетъ большинство членовъ извлечь изъ союза, больше тѣхъ невыгодъ, въ которыя ставитъ ихъ необходимость жертвовать своими интересами для оказанія услугъ, то услуги принимаютъ характеръ принудительности, и возникаетъ политическая власть. Конкретныхъ примѣровъ такого процесса можно найти множество въ первобытной исторіи народовъ. Борьба съ внѣшнимъ врагомъ въ безчисленномъ множествѣ случаевъ вела къ усиленію политической власти и превращенію обмѣна услугъ изъ добровольнаго въ принудительный, а семейно-родовой общины въ небольшой политическій союзъ.

Нетрудно уяснить себѣ основные принципы послѣдняго Очевидно, что принудительный характеръ его основанъ на томъ, что услуги, которыя требуются отъ отдѣльныхъ индивидовъ для блага цѣлаго, слишкомъ тяжелы для того, чтобы обмѣнъ ими могъ имѣть характеръ чего-то добровольнаго. Поэтому понятно, что крѣпость политическихъ узъ прямо пропорціональна трудности того положенія, которое приходится переживать данному союзу По мѣрѣ усиленія опасности политическія узы крѣпнуть, по мѣрѣ ослабленія ихъ—онѣ слабѣютъ. Это опять явленіе общее всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ и не разъ отмѣчавшееся историками.

Но это, конечно, лишь до извѣстнаго предѣла· если жертвы, которыя приходится переносить членамъ, превышаютъ тѣ невыгоды, отъ которыхъ спасаетъ индивидовъ данный союзъ, то онъ распадается.

Однако, механика политическаго союза уже гораздо сложнѣе механики этическаго союза. Дѣло въ томъ, что образованіе политической власти неизбѣжно ведетъ къ неравенству между членами, такъ какъ необходимо предполагаетъ выдѣленіе тѣхъ лицъ, которымъ вручается власть. Кромѣ наличности принудительной власти, носителемъ которой первоначально является обыкновенно вся община, всякая опасность требуетъ и сосредоточенія власти, т.-е. передачи ея въ однѣ или немногія руки, и потому всякая политическая организація неизбѣжно ведетъ къ политическому неравенству. Въ одномъ случаѣ оно, конечно, можетъ быть рѣзче выражено, въ другомъ слабѣе, но неизбѣжно равенство въ положеніи между членами исчезаетъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно нарушается и равенство въ обмѣнѣ услугъ. Естественно и то, что въ большинствѣ случаевъ это неравенство обмѣниваемыхъ услугъ будетъ увеличивать уже существующую разницу силъ и тѣмъ самымъ увеличивать разстояніе между одними членами и другими. Этотъ процессъ накопленія власти совершенно независимо отъ необходимости сосредоточенія ея для защиты общины превосходно иллюстри-

руется цѣлымъ рядомъ древне-греческихъ общинъ, въ томъ числѣ древнѣйшей исторіей Аттики. Мы видимъ здѣсь, что необходимость сосредоточенія власти въ однѣхъ сильныхъ рукахъ для борьбы съ опасностью миновала, поэтому царская власть разлагается, но въ то же время политическія преимущества, находящіяся въ рукахъ немногихъ, ведутъ къ накопленію неравенства между правящей аристократіей и безправной массой Это и есть то положеніе, которое мы застаемъ въ Аттикѣ наканунѣ реформы Солона

Параллельно развитію политической организаціи совершается преобразованіе этическихъ отношеній между членами. Съ развитіемъ политическаго союза этическія связи, несомнѣнно, имѣютъ тенденцію къ ослабленію Прежде всего, всякій политическій союзъ первичнаго образованія всегда носитъ болѣе или менѣе рѣзко выраженный боевой характеръ и поэтому имѣетъ тенденцію къ постоянному росту, а расширеніе союза ведетъ, какъ мы видѣли, къ ослабленію этическихъ связей. Но помимо этого принудительный характеръ союза и неравенство въ обмѣнѣ услугъ еще въ большей степени затемняютъ и подрываютъ сознаніе солидарности интересовъ. Здѣсь неизбѣжна сильно или слабо выраженная борьба различныхъ партій.

Если крѣпость политическихъ узъ есть прямой результатъ того давленія, которое вынуждена оказывать община на своихъ членовъ для успѣшной борьбы съ опасностью, грозящею самому существованію союза, то отсюда съ логической необходимостью вытекаетъ тотъ выводъ, что разъ такая опасность минуетъ, то тѣмъ самымъ устраняется та главная сила, которая создаетъ сильныя политическія узы. Союзъ утрачиваетъ свой боевой характеръ, сила политическихъ узъ начинаетъ утрачивать свое значеніе и въ результатѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы ослабляется давленіе со стороны власти и сглаживается политическое неравенство, но смѣняется оно не этическимъ равенствомъ, а юридическимъ И такъ какъ фактически политическій союзъ выходитъ изъ періода ожесточенной борьбы за свое существованіе лишь, ставши крупнымъ политическимъ тѣломъ, на судьбѣ котораго уже не могутъ отражаться мелкія столкновенія съ сосѣдями, то не трудно понять, что политическія узы начинаютъ смѣняться частноправовыми въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь тамъ, гдѣ слагается большое государство. Но, въ свою очередь, разъ дано крупное соединеніе, между членами котораго властью поддерживается миръ и дается защита личности и собственности, то обмѣнъ услугъ очень быстро дѣлаетъ здѣсь громадные успѣхи, и на почвѣ розничнаго обмѣна услугъ быстро получаютъ необычайное развитіе экономическія связи.

Но если бы мы взяли гражданско-правовой союзъ въ его болѣе или менѣе чистой формѣ, то нашли бы здѣсь нѣкоторыя черты, сбли-

жающія его скорѣе съ этическимъ, нежели чисто политическимъ союзомъ Сходство прежде всего въ томъ, что здѣсь нѣтъ того сильнаго сосредоточенія власти, какое мы находимъ въ политическомъ союзѣ. Индивидъ здѣсь не поглощается союзомъ, а представляетъ такую же сравнительно независимую самодовлѣющую величину, какъ и въ этическомъ союзѣ. Въ силу этого здѣсь не можетъ быть такого политическаго неравенства, и потому, если здѣсь и нѣтъ болѣе интенсивной этической связи между членами, то все же здѣсь нѣтъ и такой сильной тенденціи, какъ въ чисто политическомъ союзѣ, къ разрыву этической связи между одними членами группы и другими

Возникающее при такихъ благопріятныхъ условіяхъ раздѣленіе труда дѣлаетъ громадные и быстрые успѣхи, и въ результатѣ очень быстро союзъ превращается въ громадную производительную кооперацію,—изъ частно-правового онъ превращается въ экономическій союзъ. Изъ этого ясно, что частно-правовой союзъ имѣетъ характеръ скорѣе мимолетнаго перехода отъ одной формы соціальной организаціи къ другой, нежели характеръ болѣе или менѣе самостоятельной стадіи развитія.

Неизбѣжно, въ силу хотя бы стихійныхъ колебаній въ сборѣ, напримѣръ. продуктовъ, даже не говоря о цѣломъ рядѣ другихъ причинъ, здѣсь также возникаетъ неравенство, но только не политическое, а экономическое, и оно также имѣетъ тенденцію не сглаживаться, а, напротивъ, расти Ибо разъ силы двухъ сторонъ, между которыми совершается въ томъ или иномъ видѣ обмѣнъ услугъ, неравны, то это даетъ возможность болѣе сильной сторонѣ сдѣлать неравнымъ и всякій дальнѣйшій обмѣнъ. Мы нигдѣ не видимъ такого строя въ чистой формѣ, но идя дедуктивнымъ путемъ, мы должны въ немъ ожидать такія характерныя черты. Прежде всего совершенное ослабленіе этическихъ связей. Мѣсто обмѣна благожелательныхъ отношеній здѣсь занимаетъ розничный обмѣнъ услугъ, т. е. купля и продажа. Всякая услуга въ широкомъ смыслѣ слова здѣсь переводится непосредственно на деньги Связь съ другими членами принимаетъ здѣсь чудовищные размѣры; каждый членъ связанъ самыми разнообразными нитями со многимъ множествомъ другихъ членовъ кооперации Но онъ не только не знакомъ съ мотивами и чувствами этихъ многихъ тысячъ другихъ членовъ, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже въ лицо ихъ не видалъ. Въ то же время обостряющаяся на почвѣ экономическаго неравенства зависимость между членами и давленіе, оказываемое одними членами на другихъ, подрываетъ представленіе о солидарности общихъ интересовъ и вмѣсто взаимной преданности и расположенія на первый планъ выступаетъ классовая вражда и ожесточенная экономическая борьба.

Такимъ же разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ исключительное развитіе экономическихъ отношеній и на политическую связь. Основу

всякаго политическаго союза составляетъ сознаніе солидарности интересовъ и принудительность власти. Объ эти основы подрываются при исключительномъ развитіи экономическихъ отношеній. На мѣсто солидарности выдвигается, какъ мы видѣли, вражда и борьба; а принудительность власти и безъ того неизбѣжно слабой, ибо гдѣ она сильна, тамъ не можетъ быть того полнаго обезпеченія правъ отдѣльнаго лица, безъ котораго экономическій обмѣнъ не можетъ сдѣлать большихъ успѣховъ, разлагается подъ не менѣе сильнымъ давленіемъ денегъ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что то же развитіе экономическихъ связей съ неизбѣжнымъ неравенствомъ разлагаетъ не только этическія и политическія связи, но и то частное право, на которое опирается весь экономическій строй, ибо едва ли мы можемъ указать какую-либо силу, которая могла бы оказать при указанныхъ условіяхъ долговременное сопротивленіе постоянному и крайне эластичному давленію экономической силы.

Если бы я желалъ принять на себя роль моралиста-обличителя, то это исключительное господство экономическихъ отношеній могло бы послужить для меня необыкновенно благодарною темой. Но я считаю недостойнымъ историка или соціолога принимать на себя подобную роль и держусь того взгляда, что пока мы наблюдаемъ факты и желаемъ ихъ понять, нашимъ идеаломъ должно быть непреклонное безпристрастіе Ѳукидида, а не отравленная ядомъ ненависть Тацита.

Но отклоняя отъ себя роль моралиста, я вовсе не склоненъ отрицать правильности тѣхъ характеристикъ даннаго строя, которыя даютъ намъ, правда, обыкновенно въ преувеличенномъ видѣ,—тѣ же моралисты. Такъ я вовсе не считаю пустою, громкой тирадой моралиста слѣдующія, напримѣръ, строки Токвиля: „Въ обществахъ демократическихъ—(не надо забывать, что Токвиль имѣетъ въ виду не формы правленія, а господство полнаго гражданскаго равенства въ новыхъ обществахъ,—мы бы сказали, что онъ имѣетъ въ виду общества, гдѣ соціальная связь основана на экономическихъ отношеніяхъ), гдѣ нѣтъ ничего прочнаго, каждый ежеминутно терзается страхомъ быть оттѣсненнымъ внизъ и страстнымъ желаніемъ подняться повыше; и такъ какъ деньги, ставъ главнымъ признакомъ, раздѣляющимъ людей и отличающимъ ихъ другъ отъ друга, въ то же время пріобрѣли необычайную подвижность, безпрестанно переходятъ изъ рукъ въ руки, преобразуютъ общественное положеніе людей, возвышая или принижая семьи, — въ такихъ обществахъ не существуетъ почти никого, кто не былъ бы вынужденъ дѣлать отчаянныя и постоянныя усилія съ цѣлью сберечь или пріобрѣсти деньги. Такимъ образомъ, желаніе богатства во что бы то ни стало, исканіе прибыльныхъ аферъ, страсть къ барышу, погоня за благосостояніемъ и матеріальными наслажденіями являются въ такихъ обществахъ самыми обычными страстями“.

То снисходительно-ироническое отношеніе, которое вызываютъ обыкновенно въ современномъ читателѣ подобныя строки, мнѣ кажется, можетъ служить прекрасной иллюстраціей того, какъ люди, желая быть научными, перестаютъ ими быть, ибо изъ боязни удариться въ мораль не желаютъ констатировать такихъ явленій, которыя очевидны для всякаго трезваго наблюдателя. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что не видѣть громадной разницы въ силѣ и распространенности страсти хотя бы къ наживѣ среди членовъ французскаго или американскаго общества XX вѣка и членовъ какой-нибудь семейно-родовой общины—не видѣть и не признавать этого значитъ быть научно слѣпымъ.

Поэтому въ сѣтованіяхъ всѣхъ моралистовъ, начиная съ Гезіода и кончая моралистами нашихъ дней, надо всегда строго различать двѣ стороны:—характеристику строя, какъ констатированіе факта, и обличительное или одобрительное отношеніе къ нему.

Этотъ по необходимости крайне общій и бѣглый набросокъ соціальной динамики все же можетъ, мнѣ кажется, служить новымъ подкрѣпленіемъ правильности того основного соотношенія между четырьмя соціологическими дисциплинами, которое было нами выше установлено.

Намъ остается теперь разобрать нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ, стоящихъ въ тѣсной связи съ нашими основными положеніями.

Такъ, намъ прежде всего очень важно разсмотрѣть вопросъ, какое значеніе могутъ имѣть такія идеальныя соціологическія единицы, какъ этическій, политическій, частноправовой и экономическій союзы въ ихъ чистомъ видѣ, могутъ ли онѣ быть пригодны для истолкованія историческихъ явленій. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что онѣ могутъ сослужить намъ въ этомъ отношеніи очень важную службу, но только для этого мы должны сдѣлать ихъ гораздо болѣе подвижными и придать имъ не только статическій, но и динамическій характеръ.

Прежде всего, мы должны всегда помнить то различіе между обществомъ и государствомъ, на которое уже давно указываютъ соціологи. Мнѣ кажется, что изложенная выше точка зрѣнія на соціологію даетъ намъ возможность довольно точно установить различіе между этими двумя понятіями. Государство есть частный видъ общества; это общество, члены котораго соединены между собою политическими узами. А общество — это группа, связанная вообще какою-либо соціальною связью, будетъ ли то связь этическая, политическая, юридическая или экономическая. Разъ на одномъ изъ этихъ четырехъ принциповъ совершается обмѣнъ услугъ между индивидами, то мы имѣемъ дѣло съ обществомъ. Разъ англичане получаютъ отъ китайцевъ чай, а китайцы получаютъ отъ англичанъ металлическія издѣлія, то между ними существуетъ извѣстная соціальная связь. Поскольку между ними существуетъ обмѣнъ услугъ, постольку они составляютъ одно общество Но только при этомъ не надо забывать того, на что мы раньше указы-

вали, а именно,—разъ экономическая связь не опирается на частно-правовую, та въ свою очередь на политическую, она случайна, непрочна, и поэтому правильной закономѣрности явленій здѣсь не будетъ. Поэтому мы не будемъ говорить, что англичане и китайцы составляютъ одно общество, а скажемъ, что здѣсь есть зачаточная форма общественныхъ отношеній. Если въ государствѣ мы находимъ крѣпкія семейныя связи, основанныя прежде всего на этическомъ началѣ, то мы скажемъ, что этотъ политическій союзъ состоитъ изъ множества мелкихъ этическихъ союзовъ и т. д.

Затѣмъ мы должны заранѣе ожидать, что очень рѣдко встрѣтимъ въ исторіи единицы чистаго типа, въ громадномъ же большинствѣ случаевъ единицы будутъ смѣшаннаго или переходнаго типа, т. е. намъ придется въ большинствѣ случаевъ говорить лишь о преобладаніи однихъ элементовъ, однѣхъ связей и сравнительной слабости другихъ, подобно тому, какъ среди политическихъ формъ мы нигдѣ не найдемъ ни чистой абсолютной монархіи, ни абсолютной аристократіи, ни обсолютной демократіи и т. д., а всегда видимъ лишь болѣе или менѣе значительное преобладаніе одного элемента и слабость другого. Но никто не станетъ дѣлать изъ этого тотъ выводъ, что, стало быть, всѣ эти понятія аристократіи, демократіи, монархіи и т. д., совершенно непригодны для науки, какъ не имѣющія конкретныхъ коррелатовъ.

Точно такъ же, если мы говоримъ, что развитіе экономическихъ отношеній возможно лишь на почвѣ частно-правовыхъ, развитіе частно-правовыхъ лишь на почвѣ публично-правовыхъ, а публично-правовыхъ лишь на почвѣ этическихъ, то это не значитъ, что, напримѣръ, изучая родовой бытъ какого-нибудь племени, мы не можемъ найти тамъ никакихъ экономическихъ отношеній. Это было бы совершенно неправильнымъ пониманіемъ устанавливаемыхъ нами положеній. Я говорю лишь то, что экономическія отношенія возможны лишь постольку, поскольку права отдѣльныхъ лицъ обезпечены, а права отдѣльныхъ лицъ могутъ быть обезпечены лишь постольку, поскольку они защищены правомъ. Точно такъ же, если намъ скажутъ, напримѣръ, что при родовомъ бытѣ мы находимъ обычное право, между тѣмъ какъ политической власти въ собственномъ смыслѣ еще нѣтъ, то мы отвѣтимъ на это, что поскольку это право есть не пустой звукъ, а дѣйствительное право со всѣми его аттрибутами, постольку здѣсь есть публичная власть, защищающая его, будетъ ли ею облеченъ старшій въ родѣ или совѣтъ домашнихъ. Одно изъ основныхъ моихъ положеній, именно, въ томъ и заключается, что между этикой, политикой, правомъ и экономикой нѣтъ качественнаго различія, а есть лишь количественное, и какъ всѣ количества въ мірѣ явленій, они переходятъ одно въ другое не скачками, а путемъ непрерывныхъ, незамѣтныхъ измѣненій; что въ мірѣ соціальныхъ явленій такъ же нѣтъ раздѣльныхъ вели-

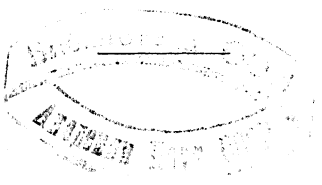
чинъ, а есть лишь сплошныя величины, какъ и въ мірѣ явленій физическихъ. Я могъ бы прибавить къ этому, что мы вообще, повидимому, очень близки ко всеобщему признанію того великаго принципа, что въ мірѣ явленій нѣтъ качества, а есть лишь количество. Но это опять вопросъ, который завелъ бы меня слишкомъ далеко. Поэтому я ограничиваюсь по этому поводу лишь нѣсколькими замѣчаніями и укажу на то, что въ связи съ этимъ мы должны придать всѣмъ этимъ единицамъ не только статическій, но и динамическій характеръ. Мы должны помнить, что всякій соціальный строй есть лишь временное равновѣсіе соціальныхъ силъ. Есть болѣе устойчивыя положенія, при которыхъ равновѣсіе можетъ болѣе или менѣе долго сохраняться, но сплошь да рядомъ оно мимолетно, и когда мы подводимъ данный союзъ подъ понятіе, положимъ, этико-политическаго, то для насъ важны не только тѣ признаки, которыми онъ характеризуется въ данную минуту, но и тѣ силы, благодаря мимолетному равновѣсію которыхъ получаются данные признаки. Разъ мы говоримъ, что это союзъ этико-политическій, то тѣмъ самымъ мы до извѣстной степени вскрываемъ и динамику этого союза. Здѣсь должна быть тенденція къ разрушенію чисто этическихъ узъ, тенденція къ усиленію политическихъ и вытекающему изъ него неравенству между правящими и подданными. Но мало этого, мы должны указать и то, въ какихъ условіяхъ находится данный союзъ. Если, напримѣръ, это союзъ довольно крупный, и его давятъ внѣшніе враги, то мы, безъ сомнѣнія, констатируемъ здѣсь тенденцію къ сосредоточенію власти и, стало быть, вообще къ усиленію политическаго элемента, и, напротивъ, здѣсь сравнительно слабо будетъ выражена тенденція къ развитію юридическихъ или экономическихъ связей. Другими словами, классификація формъ должна быть не только статическая, но и динамическая. Тогда мы поймемъ, что дальнѣйшее развитіе двухъ формъ, которыя мы подводимъ въ данную минуту подъ одинъ видъ, можетъ быть совершенно различно, разъ есть различіе въ ихъ динамическомъ состояніи.

Затѣмъ, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу того монизма, который теперь, и въ особенности недавно, такъ усиленно искали, по поводу того, какимъ явленіямъ соціальной жизни слѣдуетъ придавать первенствующее значеніе, какъ основному движущему фактору? Мнѣ кажется, монизмъ этотъ лежитъ въ той біологопсихологической основѣ, на которой выросло все зданіе соціальной культуры. Монизмъ лежитъ въ единствѣ соціальныхъ силъ, которое я и пытался установить въ своемъ сообщеніи. Но комбинація ихъ можетъ принимать самыя разнообразныя формы, причемъ это разнообразіе мы можемъ съ большей или меньшей точностью подводить подъ одинъ изъ разобранныхъ нами четырехъ типовъ. Законы, управляющіе измѣненіями въ данномъ обществѣ, будутъ зависѣть прежде всего

отъ того, на чемъ построена связь между членами данной группы. Если это связь—этическая, то и законы будутъ этическіе; если это—связь политическая или экономическая, то и законы будутъ политическіе или экономическіе. Но какія бы связи ни выдвигались на первый планъ, никогда не слѣдуетъ забывать, что во всякомъ изъ дѣйствительно существующихъ человѣческихъ обществъ мы можемъ найти иногда лишь въ зародышѣ, а сплошь да рядомъ и въ ясно выраженной формѣ связи и другихъ категорій. Учесть ихъ точно очень трудно, но сдѣлать грубый приблизительный подсчетъ не всегда невозможно. Въ худшемъ случаѣ лучше будетъ констатировать различіе соціальной динамики двухъ странъ, нежели пророчить имъ одинаковую соціальную будущность. Такъ, мнѣ кажется, что предсказывать одинаковую соціальную будущность Франціи и Германіи или Германіи и Англіи можетъ лишь геніально-проницательный экономистъ, но слѣпой соціологъ, какимъ и былъ Марксъ.

Наконецъ, въ заключеніе еще разъ вернемся къ вопросу о предметѣ соціологіи и постараемся возможно точнѣе формулировать, въ какомъ отношеніи стоитъ она къ разобраннымъ нами выше четыремъ дисциплинамъ.

Если правильна изложенная нами точка зрѣнія, то этика, политика, право и политическая экономія суть составныя части соціологіи. Но ими вся соціологія еще далеко не исчерпывается. Во-первыхъ, каждая изъ этихъ дисциплинъ имѣетъ дѣло если не исключительно, то преимущественно со статикой, а соціологія должна намъ выяснить не только статику, но и динамику соотвѣтствующихъ явленій. Во-вторыхъ, каждая изъ этихъ четырехъ категорій явленій изучается въ отдѣльности каждою изъ названныхъ четырехъ дисциплинъ. Соціологія же изучаетъ не только ихъ въ отдѣльности, но и результаты взаимнаго сплетенія между собою этихъ четырехъ категорій явленій, при чемъ и здѣсь мы можемъ различать условія равновѣсія силъ, т.-е. статику, и условія дѣйствія силъ, выводящихъ общество изъ состоянія покоя, т.-е. динамику. Что же касается каждой изъ этихъ четырехъ составныхъ частей соціологіи, то онѣ не соподчинены одной болѣе общей дисциплинѣ, а подчинены другъ другу, слѣдуя другъ за другомъ въ опредѣленномъ іерархическомъ порядкѣ: именно, этика—есть простѣйшая изъ соціальныхъ наукъ, за нею слѣдуетъ политика, затѣмъ частное право и, наконецъ, политическая экономія. Главная задача моего сообщенія и заключалась въ томъ, чтобы установить эту іерархію соціальныхъ наукъ и вскрыть единую соціальную основу подъ разнообразными формами этическихъ, политическихъ, правовыхъ и экономическихъ явленій.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Что такое культура и что такое геніальность съ точки зрѣнія развитія культуры. (Изд. Петерб. Общ. при М. У.). Москва. 1902. Ц. 40 к.

А. Г. Постъ. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній. Переводъ съ нѣмецкаго Н. В. Теплова съ предисловіемъ проф. *М. М. Ковалевскаго*. Москва. 1901. Ц. 60 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ

и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ:

У. Кённингэмъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Переводъ съ англійскаго Н. В. Теплова.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. П. Карбасникова

Петербургъ,	**Москва,**	**Варшава,**	**Вильно,**
Литейн., д. 46.	Моховая д Баженова	Нов Свѣтъ, д. 69.	Большая, д Гордона.